

Н. Менькова

ПОЛЕ

БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ

МОСКВА 2009

Н.М. МЕНЬКОВА

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА МАШИНЕ ВРЕМЕНИ

МОСКВА 2009

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
М-51

Н.М. Менькова

М.-51. Поле битвы при Гастингсе. Путешествие на машине времени - М.: «Книга и Бизнес», 2009. – 96 стр. + 28 илл.

14 октября 1066 года недалеко от города Гастингса, расположенного на берегу Ла-Манша, состоялась историческая битва между войсками нормандского герцога Вильгельма, прозванного впоследствии Завоевателем, и англосаксами, возглавляемыми королем Гарольдом II. Эта книга об англо-нормандских отношениях в XI веке, о причинах и последствиях этой битвы, которые имели непосредственное отношение к русской истории.

Рисунок на обложке – Алексея Калачева.

*В оформлении использованы материалы открытого доступа
из Интернета*

ISBN

© Н.М. Менькова

*«О поле, поле!»
А.С. Пушкин*

* * *

Я по образованию горный инженер. Мне пришлось работать в конструкторском бюро, в научно-исследовательском институте, спускаться в шахты Донбасса и Подмосковья, участвовать в изготовлении и полевых испытаниях геологоразведочного оборудования. А когда я перешла на преподавательскую работу, то начала читать студентам теоретическую механику, сопротивление материалов, детали машин... И хотя я с интересом отношусь к своей профессии, следуя завету Марка Твена: «Надо заниматься не тем, что любишь, а любить то, чем занимаешься», – меня всегда привлекали литература, история, музыка. Однако совместить в своей жизни техническое и гуманитарное начала мне долго не удавалось.

...Однажды по радио я услышала, что в Москве после почти семидесятилетнего перерыва восстановлена деятельность Историко-Родословного общества, и сразу поняла: это мое! Я включилась в деятельность этой организации: занималась генеалогией своей семьи, а также родословиями Пушкина и Рахманинова; предложила оригинальный способ графического оформления родословных – кольцевые генеалогические схемы...

Но была у меня одна заветная тема, которую я разрабатывала с начала девяностых годов минувшего века, с того времени, как в период «книжного бума» первых лет перестройки мне попала книга лорда Литтона «Король Гарольд». Вернее, я ее просто получила в нагрузку к любимой с детства повести того же автора «Последний день Помпеи». Но когда я открыла томик «Короля Гарольда», то уже не могла оторваться от этой книги: так увлекла меня история последнего англосаксонского короля и его прекрасной возлюбленной Эдит, носившей прозвание Лебединая Шея.

Собственно говоря, мне этот сюжет был известен и раньше по знаменитой балладе Гейне «Поле битвы при Гастингсе», перевод которой был сделан А. Блоком в соавторстве с Е. Книпович.

Название баллады указывает на 1066 год, когда нормандцы во главе с герцогом Вильгельмом, прозванным впоследствии Завоевателем, вторглись в пределы Англии и разгромили войска англосаксов. Предводитель последних – король Гарольд II – в этом сражении погиб.

«Дела давно минувших дней...» Однако читая труды Н.М. Карамзина, я обнаружила, что эти события почти тысячелетней давности имеют непосредственное отношение к истории России и являются уникальным и чуть ли не единственным моментом пересечения линий общественного развития средневековой Англии и Киевской Руси.

Я начала разыскивать работы, повествующие о завоевании Англии нормандцами (либо в более общей трактовке – норманнами), но материалов по этому вопросу было очень мало, что и неудивительно: английский язык был распространен в нашей стране гораздо меньше, чем, скажем, немецкий или французский, а исторические материалы, касающиеся нормандских завоеваний, написаны, в основном, именно по-английски. А кроме того, любые темы, так или иначе связанные с историей Великобритании, были у нас непопулярны: интересы России и Англии на международной арене часто вступали в противоречия, что отражалось как на дипломатических отношениях этих двух стран, так и на их взаимодействии в вопросах культуры.

Только когда мне попала работа академика М.П. Алексева «Англосаксонская параллель к «Поучению» Владимира Мономаха», написанная еще в 1935 году, дело сдвинулось с мертвой точки. Пользуясь списком литературы, приведенным у Алексева, я смогла найти несколько монографий об англо-нормандских отношениях в XI веке. Это, во-первых, «Завоевание Англии норманнами» французского историка Огюстена Тьерри – работа, переведенная на русский язык и изданная в Санкт-Петербурге в 1868 году. Во-вторых, в Ленинской библиотеке я обнаружила многотомное исследование англичанина Эдварда Фримена «The history of Norman conquest of England», вышедшее в свет в Оксфорде в 1886 году, но не имеющее русского перевода. Да и английским оригиналом было трудно пользоваться, так как все шесть томов издания за минувшие сто с лишним лет успели обветшать и частично прийти в негодность...

Однако моей самой большой удачей было то, что я сумела найти изданный Московским университетом в 1901 году обстоятельный труд И.М. Ивакина «Владимир Мономах и его «Поучение», на который М.П. Алексеев многократно ссылался в своей работе. В связи с анализом «Поучения» известнейшего русского князя, Иван Михайлович Ивакин подробно рассмотрел перипетии отношений англосаксов и нормандцев в раннем средневековье, привел историю жизни короля Гарольда, а также рассказал о судьбах его родных и близких. Это повествование нельзя читать без волнения, так как оно написана не равнодушным созерцателем, а человеком, исполненным сочувствия ко всем участникам трагических событий XI века.

Нечего и говорить о том, что знакомство с работой И.М. Ивакина вызвал у меня новый прилив энтузиазма. Я продолжала разрабатывать и популяризировать тему англо-нормандского противостояния, несправедливо, как мне казалось, задвинутую «в тень истории»: выступала с докладами, публиковала статьи о битве при Гастингсе и ее последствиях. Я даже стала мечтать о том, чтобы попасть на знаменитое поле сражения... Когда в 1999 году я оказалась в Лондоне и стояла у входа в Тауэр, ожидая начала экскурсии, на руку мне упал кусочек коры с ветки развесистого платана, и я вдруг подумала, что это символично: я еще приеду в Англию и увижу место исторической битвы!

...Однажды я разговорилась с И.Е. Торбан – преподавательницей кафедры Иностранных языков Московского института радиотехники, электроники и автоматики (МИРЭА), где мы обе работали, и она вдруг меня спросила: «А Вы не хотели бы поехать в Гастингс?» Я была так поражена, что только и смогла пролепетать в ответ: «Как в Гастингс? Разве это возможно?!» Тогда Инна Ефимовна объяснила мне, что в этом городе находится школа «Johan Hazell. School of English», с которой у нашего института имеются многолетние деловые связи. Так что два-три раза в год в Гастингс отправляется группа преподавателей и студентов, желающих усовершенствоваться в столь популярном сейчас языке. Поездка эта относительно недорогая: билеты на самолет для группы учащихся продают с некоторой скидкой, проживание и питание – у местного населения, что существенно дешевле, чем в гостинице и, соответственно, в ресторане...

Я была в полном восторге от внезапно открывшейся перспективы, но прошло еще около двух лет, прежде чем были улажены все вопросы, связанные с поездкой. На семейном совете вместе со мной было решено отправить в Англию моего двенадцатилетнего внука Лёню, ученика классической гимназии с углубленным изучением древних и новых языков.

С самого начала нашей поездки я вела дневник, куда записывала свои впечатления от пребывания в Англии. Мы пробыли в этой стране всего неделю, но успели несколько раз съездить на экскурсии, которые давали пищу воображению и позволяли, отталкиваясь от данного места исторического события, мысленно перемещаться в глубину веков, как бы путешествуя во времени.

Привожу далее свои дневниковые записи.

18 августа 2005 года, четверг

На исходе лета 2005 года мы еще жили всей семьей на даче недалеко от Павловского посада, однако вечером 17 августа мы с Лёней приехали в Москву, чтобы подготовиться к поездке. По дороге с вокзала зашли на рынок, где купили ему – удобную обувь, мне – ветровку, а также два зонтика: нас предупредили, что на побережье Ла-Манша, где расположен Гастингс, погода отличается неустойчивостью, там обычны дожди и порывистые ветры.

Мы переночевали в московской квартире и в 11 часов утра отправились на Павелецкий вокзал. Там мы сели на специальный экспресс, который доставил нас в аэропорт Домодедово, откуда мы в 16-00 должны были вылететь в Лондон. К месту встречи нашей группы мы прибыли своевременно, и до начала рейса успели познакомиться с нашими попутчиками – в основном, преподавателями и студентами МИРЭА.

Отлет наш ничем особенно не запомнился, кроме, разве, унижительной процедуры осмотра багажа, одежды и обуви при частичном разоблачении, а также ликвидации острых режущих предметов и другого холодного и огнестрельного оружия. Мы с Лёней не были замечены ни в чем предосудительном, хотя, как выяснилось при возвращении на родину, в моей сумке имелись таки ножницы с лезвиями непредусмотренной длины, каковые были у меня изъяты в лондонском аэропорту.

Зарекомендовав себя порядочными авиапассажирами, непричастными к террористической деятельности, мы проникли в «зону отчуждения» и отправились обедать. Как оказалось, в то время проходила забастовка обслуживающего персонала авиалайнеров, связанная не помню уже с чем, но проявлявшаяся в том, что пассажирам не разносили положенные им в полете еду и напитки. Поэтому нам выдали специальные талоны, и мы очень приятно перекусили в одной из многочисленных «питательных» точек, да еще в придачу получили по пакету с печеньем, конфетами и газированной водой.

В положенное время мы проследовали к самолету и удобно устроились в просторном салоне. В первые минуты после взлета можно было полюбоваться панорамой Москвы, а потом в иллюминаторе была видна только часть крыла самолета на фоне необъятной небесной сини.

Лететь нам предстояло четыре часа, и я с волнением думала о цели нашего путешествия – для меня это, в первую очередь, возможность попасть на знаменитое поле битвы. Невольно мысли обращались и к тем событиям, которые предшествовали завоеванию Англии нормандцами...

Британские острова с их мягким, влажным климатом и обильной растительностью издавна могли привлекать к себе внимание чужеземцев, однако вследствие своего островного положения эта страна долгое время развивалась обособленно. Только в I веке новой эры там появились завоеватели – римляне, но они не нарушили уклада жизни и этнического равновесия местных кельтских народов: бриттов, скоттов, пиктов. Свидетельствами пребывания римлян на территории современной Великобритании являются сохранившиеся до сих пор развалины античных построек.

В V веке началось завоевание Британии германскими племенами, пришедшими с материка, и через сто лет острова уже были заселены саксами, англами, юттами и фризами. Бритты были окончательно вытеснены, покинули остров и поселились на территории современной Бретани (Франция). Оставшиеся кельты были оттеснены в Уэльс, Корнуолл, Шотландию и Ирландию, а на завоеванных гер-

манцами территориях возникло семь небольших государственных образований, которые в IX веке были объединены под властью короля Эгберта и получили общее название « Англия».

В IX веке Британию захлестнула новая волна экспансии чужеземцев: на восточном побережье Англии высадились датчане, или даны – обобщенное название многих скандинавских родственных племен. Англичане более или менее успешно противостояли натиску пришельцев и добились полной независимости при короле Альфреде Великом (871-900). Однако потомки этого властителя не смогли достойно противостоять данам, и те утвердились на территории Англии, образовав область датского самоуправления – «Dane-law».

Борьба англосаксов и датчан активизировалась в XI веке при короле Этельреде Нерешительном (978-1019); она протекала с переменным успехом до самой смерти этого короля, но победителями оказались в конечном итоге опять-таки датчане: король Свен Вилобородый (Раздвоенная Борода) постепенно овладел центральными областями Великобритании и объявил себя королем всей Англии.

После кончины Свена королем Дании и Норвегии стал его старший сын Гаральд, а управление Англией досталось его второму сыну по имени Канут (Canute). Гаральд вскоре умер, и Канут объединил под своей властью все земли своего отца: Данию, Норвегию, Англию и часть Швеции, сделавшись одним из самых могущественных государей в Европе. Канут Великий – так именовали этого короля в истории – был, по-видимому, умным и тонким политиком: он не выступал против англосаксов, не преследовал их обычаев, не нарушал бытового уклада, тем более, что в государственном и в хозяйственном отношении жители Великобритании стояли на более высоком уровне, чем датчане. Канут Великий даже женился на вдове саксонского короля Этельреда Нерешительного – Эмме. Женщина эта имела от короля Этельреда двух сыновей: Альфреда и Эдуарда, которые воспитывались в Нормандии, так как Эмма по происхождению была нормандкой – сестрой знаменитого герцога Роберта Дьявола. Это об-

стоятельство сыграло важную роль в истории борьбы за английскую корону.

В браке с Канутом у Эммы родился сын по имени Хардаканут, а кроме того, у короля датчан до брака с Эммой был сын Гаральд. После смерти Канута в 1035 году английские владения были разделены между единокровными братьями: к северу от Темзы королем был провозглашен Гаральд (в саксонской транскрипции Гарольд I), а южная Англия признала Хардаканута. Однако преемникам Канута Великого не удалось удержать в повиновении англосаксов, и после гибели Хардаканута в 1039 году владчеству датчан пришел конец.

...Самолет приземлился в аэропорту Хитроу, и начавшаяся вслед за этим суэта прервала цепь моих размышлений о событиях, происходивших в средневековой Англии. Но как же радостно было сознавать, что я волею судеб оказалась в центре сегодняшней Великобритании! словно переместилась на машине времени на девять с половиной веков назад ...

Было 17-00 по Гринвичу. Мы получили багаж и организованно проследовали к выходу, где стояли встречающие: преимущественно, респектабельные мужчины в черных костюмах и при галстуках. Как мы узнали позже, это были шоферы, присланные для встречи командированных в Англию ответственных лиц, но наша группа к этой привилегированной категории не относилась, а потому никаких демонстраций при нашем появлении не последовало. Более того, вследствие какого-то недоразумения мы даже не смогли своевременно встретиться с человеком, который должен был отвезти нас в Гастингс, расположенный в ста километрах от Лондона, и долгое время просидели в бесплодном ожидании...

Только в восемь часов вечера мы, наконец, уселись в микроавтобус и с большой скоростью понеслись на юг. Вскоре совершенно стемнело. Дорога была узкая, но, видимо, с хорошим покрытием, так что мы летели как на крыльях. Встречных машин почти не было, так же, как и населенных пунктов на трассе: изредка промелькнет освещенный магазин, на мгновение выступают из темноты фасады невысоких домиков, а потом снова леса, леса,

леса... Где-то здесь, вблизи южного побережья Англии, начиналась так заинтересовавшая меня история.

После гибели потомков датского правителя Канута возникли условия для возобновления англосаксонской королевской династии, что могло бы явиться фактором установления мира и политической стабильности в стране. Именно в это время появился человек, который во много способствовал упрочению английской короны. Этого человека звали Годвином (Godwin), и он был сыном саксонца по имени Вольфнот (Wulfnoth). Об истории его возвышения Тьерри и Фримен повествуют следующим образом.

В июле 1016 года при местечке Черчстоун произошла битва между датчанами и англосаксами, исход которой, кстати сказать, остался неясным: скандинавские саги приписывают победу датчанам, историк Тьерри – англичанам. Как бы то ни было, но один из приближенных короля Канута граф Ульф (Olaf), который к тому же был женат на племяннице короля Эстрид, при невыясненных обстоятельствах заблудился в лесу. К утру он выбрался на обширный луг, где молодой селянин пас стадо овец: это и был Годвин Вольфнотсон. Датчанин попросил юношу укрыть его от преследователей и посулил ему большое вознаграждение. Годвин отвел Ульфа на хутор своего отца и спрятал его на чердаке дома. А когда стемнело, отец Годвина снарядил лошадей, которые должны были доставить Ульфа на побережье к стоянке датских кораблей, и сказал ему на прощанье: «У меня только и есть один сын – отдаю его на твою совесть. Будешь у короля, похлопочи, чтобы он взял его к себе на службу».

Ульф обещал и после возвращения в лагерь датчан неизменно оказывал Годвину поддержку. Умный и дипломатичный молодой человек вскоре заслужил особое расположение короля Канута, который приблизил к себе Годвина и назначил его начальником отряда англосаксов. После одного удачного похода Годвин получил от короля титул графа западных саксов, а вместе с этим – новые обширные земельные наделы и угодья. Канут даже женил Годвина на своей родной сестре, правда, брак этот был непродолжительным: маленький сын Годвина трагически погиб, а жена вскоре после этого умерла. Годвин же вновь женился – на

этот раз на сестре графа Ульфа по имени Гита (Gytha). По другой версии, Гита была родной племянницей Канута Великого.

У Годвина и Гиты было шесть сыновей. Старший из них, Свен (Swen), был человеком больших страстей и необузданного характера. Он влюбился в аббатису какого-то монастыря, совратил ее с пути истинного, и за это был изгнан из Англии. Свен отправился замаливать свои грехи на Святую землю и где-то по дороге умер. У него остался сын по имени Хакон, прекрасный благородный юноша, к сожалению, погибший в ранней юности.

Второй сын Годвина, Гарольд (Harold, 1022-1066), получил при рождении замечательное имя. В различных древнегерманских языках его составляли два слова: her – вождь, предводитель войска – и ald (hold) – верный. Всё вместе в переводе могло означать «Верный Вождь», быть может даже, «Полководец». Если имя определяет что-нибудь в судьбе человека, то в данном случае это было именно так: Гарольд был замечательной личностью. Он унаследовал красоту своей матери, рассудительность и дипломатичность отца при отменной храбрости и полководческих талантах. Все это позволило ему со временем стать королем Англии.

Третий сын, Тостиг (Tosting), отличался непомерным честолюбием и злобным нравом. Он хотел овладеть Нортумбрией и Мерсией – областями, расположенными в центральной части Англии, но своей жестокостью и властолюбием восстановил против себя местное население, и оно отказалось ему подчиняться, тем более, что там были свои наследственные правители: Моркар и Эдвин – потомки древней мерсийской династии. В результате озлобленный на отца и братьев Тостиг вынужден был уехать из Англии во Фландрию – на родину своей жены Джудит (Judith), где правил ее отец, граф Балдуин V (Baldwin V, 1012-1067), прямой потомок Карла Великого.

О четвертом сыне Годвина, Гурте (Gyrth), и пятом, Леофвайне (Leofwin), известно только, что это были смелые воины, преданные своей семье, особенно старшему брату Гарольду, которого они поддерживали во всех его начинаниях.

Последний из Годвинсонов, Вольфнот (Wulfnoth), названный в честь своего деда, являл собой разительный контраст с мужественным обликом братьев: в нем были видны нерешительность и изнеженность, склонность к покою и роскоши. Остроумную характеристику сыновьям Годвина дал в своем романе лорд Литтон: «Гарольд – орел, Тостиг – ястреб, Гурт – голубь, Леофвайн – скворец, Вольфнот – павлин».

У Годвина и Гиты было также две дочери, старшую из которых звали Эдит (Edith, Eadgyth). По свидетельству хронистов, она была очень красива и имела хорошее по тем временам образование: ученость Эдит была сравнима с просвещенностью ее братьев. Однако условия общественной жизни в раннем средневековье не позволяли ей в полной мере проявить свои природные способности..

Младшим ребенком в семье Годвина была дочь Тира (по-датски), или Эльфгиву (Aelfgyvu) на саксонском наречии. Это была очаровательная девушка, но она умерла совсем молодой... Все дети Годвина были неординарными личностями, но почти всем им выпала сложная, даже трагическая судьба...

...Годвин сохранил свое влияние и после смерти короля Канута при его преемниках. Его уважали датчане, но он также пользовался громадным авторитетом и у своих соплеменников-англичан, несмотря на то, что Годвин был в числе приближенных и наиболее доверенных лиц короля Канута, не раз оказывал ему важные услуги. Видимо, богатство и высокий титул Годвина внушали особое почтение англосаксам; к тому же исключительная дипломатичность позволяла ему умело лавировать на политической арене. Ну и, наконец, по словам Фримена, в графе западных саксов «уживалась и добрая доля чисто английского предубеждения к чужеземцам как к таковым». Поэтому в критические моменты истории Годвин и его сыновья оказывались во главе патриотических сил коренного населения страны.

Деятельное участие принял Годвин и в событиях, связанных с выбором нового английского монарха. Наиболее подходящим кандидатом на это почетное место был сын короля Этельреда Нерешительного по имени Эдуард, который после гибели отца уехал вместе с братом Альфредом

на родину их матери Эммы. Эдуард жил при дворе герцога Вильгельма, а его брата уже не было в живых: еще в 1036 году юного принца вызвали в Англию, но после высадки в Дувре он был предательски убит. Напуганный этим ужасным событием Эдуард категорически отказывался покинуть Нормандию, опасаясь, что и он, подобно своему брату, погибнет при возвращении на родину.

Надо заметить, что участие в убийстве Альфреда молва приписывала Годвину, однако он сумел доказать, что в этом кровавом преступлении его вины нет, и с дипломатической миссией на континент отправили именно его. Годвин сумел убедить Эдуарда изменить свое решение: «Лучше быть королем на Родине, чем изгнанником на чужбине», – говорил он, и Эдуард не мог с ним не согласиться. Он вернулся в Англию, в 1041 году его короновали, а вскоре после этого Годвин женил его на своей старшей дочери Эдит. Однако брак этот не был счастливым: король еще при жизни получил прозвание Исповедник (Edward the Confessor, 1003-1066); он вел монашеский образ жизни, и его престная жена также вынуждена была посвятить себя Богу. К управлению государством Эдуард не проявлял никакого интереса, и бремя власти полностью легло на плечи Годвина – первого советника короля.

Годвин обладал неограниченными полномочиями, но годы его правления были осложнены возросшим влиянием нормандцев, с которыми Эдуард сохранял тесную связь. В результате постоянных заговоров и интриг при английском королевском дворе брала верх то саксонская партия, то нормандцы. Добавим к этому, что над Годвином подспудно тяготело обвинение в убийстве принца Альфреда, и это вызывало настороженность и даже некоторую недоброжелательность короля по отношению к нему.

В какой-то период истории Годвин вместе со всей своей семьей даже был изгнан из Англии, а его дочь Эдит отправилась в монастырь. Однако слабохарактерный Эдуард не мог при управлении страной обойтись без Годвина, а кроме того, он видел, что не только народ, но и саксонская знать, и духовенство ненавидят нормандцев. Поэтому Годвина и его сыновей вернули ко двору, и Эдит опять заняла свое место рядом с королем.

Но Годвин недолго пользовался плодами своей победы: в 1053 году он внезапно скончался. В соответствии с легендой, король Эдуард во время трапезы упрекнул Годвина в убийстве принца Альфреда. Годвин возмутился и воскликнул: «О, Эдуард! Ты уже не в первый раз бросаешь мне это обвинение. Пусть же я подавлюсь крошкой хлеба, если я виноват в смерти твоего брата!» Но едва он успел прикоснуться губами к королевскому хлебу, как взгляд его померк, какой-то хриплый звук вырвался из груди, и он рухнул на пол, пораженный апоплексическим ударом. «Это суд Божий... Унесите его!» – произнес король и величественно удалился... Через несколько дней Годвин умер, и его сын Гарольд занял место главного советника при короле.

...Наш микроавтобус, наконец, вынырнул из лесной чащи и оказался среди невысокой современной городской застройки. Приехали! Гастингс! По местному времени было 23 часа, городок уже спал, но наш шофер имел при себе подготовленные заранее списки – кого куда следует поселить, так что мы некоторое время колесили по городу, останавливаясь возле каких-то домов. Водитель называл фамилии, люди выходили и исчезали в темноте. Последними остались мы с Лёней и два молодых человека: Сережа, студент нашего института, и Саша, семнадцатилетний учащийся колледжа.

Остановились возле трехэтажного дома, который одним боком «сросся» с другим таким же зданием, только, как мы обнаружили утром следующего дня, наш дом был окрашен в белый цвет, а его сиамский близнец – в желтый. Нас встретил хозяин – мистер Конвей, невысокий пожилой англичанин. Он провел нас в гостиную – красивую комнату с эркером и большим камином; несколько человек, сидя в креслах и на диване, смотрели телевизор. Среди них выделялась крупная моложавая негритянка, или, как принято сейчас говорить, «англичанка африканского происхождения». Как выяснилось, это была жена мистера Конвея по имени Сесил.

Нам предложили чаю, но мы уже очень хотели спать и, попрощавшись с любезными хозяевами, отправились в отведенную

нам комнату на втором этаже. Засыпая, я слышала пронзительные голоса каких-то птиц и не сразу сообразила, что это кричали чайки...

19 августа, пятница

Проснулись в 7 часов утра. Погода за окном была пасмурная, хотя и не дождливая. Быстро спустились на первый этаж в столовую – большую комнату с мягкой мебелью, посудными шкафами и двумя большими столами, на одном из которых нам был приготовлен завтрак: насыпанные в глубокие тарелки мюсли, молоко в кувшине, варенье в баночке. Исполненный важности мистер Конвей присовокупил к этому по кусочку поджаренного хлеба и по чашке чая каждому. Такой завтрак без каких-либо вариаций ожидал нас ежедневно.

Конечно, здоровым молодым людям этого было маловато, поэтому я положенную мне порцию мюсли разделила между своими сотрапезниками, что ни в коем случае не являлось жертвой с моей стороны, так как я терпеть не могу этот неведомый нам раньше сухой корм. Своему внуку, который к тому же не пьет молока, я посоветовала положить в тарелку варенье и залить все водой. Далее мистер Конвей выдал нам «ланч-пакеты», содержащие сэндвичи в пластиковой коробке, бутылочку с напитком типа разбавленного сока, маленькую шоколадку и яблочко. Он предупредил нас, что обед будет в шесть часов вечера, после чего на своей машине отвез нас на занятия.

Школа располагалась в небольшом двухэтажном здании. На верхнем этаже помещался класс для слабо знающих язык, на нижнем занималась средняя группа, а также учащиеся, прилично владеющие английским. Никакого предварительного тестирования не было, так что Лёня отправился в среднюю группу, а я поднялась на второй этаж и скромно уселась на задней парте. В классе, кроме меня, оказалось еще три пожилых преподавателя и несколько женщин среднего возраста и неопределенного статуса. На передних скамьях сидело несколько молодых латиноамериканцев, которые в данной группе, очевидно, лидировали по своим знаниям, непосредственности и активности.

Занятия длились с восьми и до одиннадцати утра: две пары по полтора часа с небольшим перерывом. Возможно, существо-

вала какая-то определенная программа и так или иначе продуманная методика, но так как каждую неделю поступали новые группы, которые приезжали на одну или две недели, а то и на месяц, то преподаватели, естественно, не могли приспособливаться к такому потоку, поэтому последовательно выполняли намеченную программу. Мы «врезались» на этапе изучения грамматической темы Past Indefinite, а после выполнения необходимых упражнений приступили к чтению трогательной истории, которая приключилась с какой-то собакой... В классе висела доска голубого цвета, на которой преподаватели писали чем-то вроде фломастера светло-зеленого цвета, так что даже тем, кто сидел сравнительно близко, почти ничего не было видно. Добавлю к этому, что улавливать объяснения преподавателей на малознакомом языке было очень сложно... Мне кажется, что и другие учащиеся нашей группы испытывали такие же сложности.

А вот Лёне занятия в школе были очень полезны, так как он был достаточно продвинут в языке. Он с удовольствием занимался, и я с радостью отмечала для себя, что мой внук вполне прилично объясняется с местным населением. Поселившиеся с нами Саша и Сережа тоже были довольны и занятиями в школе, и практикой в языке: оба они отлично говорили по-английски и не раз прежде бывали за границей.

После окончания занятий в школе мы отправились на запланированную экскурсию по Гастингсу. Название этого города мне знакомо с давних пор: в свое время в Гастингсе проводился представительный шахматный турнир с участием Капабланки, Алехина и других знаменитейших гроссмейстеров. А мой брат Саша, кандидат в мастера спорта по шахматам, следил за всеми событиями в интересующей его области, собирал шахматные книги, выписывал журналы. И я не раз видела у него на столе небольшие книжечки-бюллетени с шахматной доской на обложке и надписью «Международный турнир в Гастингсе». Так что этот очаровательный курортный городок, живописно расположенный среди прибрежных холмов и скал, видимо, был предназначен судьбой для битв и ристалищ...

Мы шли по улицам, застроенным, в основном, невысокими домами, утопающими в цветах, среди которых преобладали гортензии: белые, розовые, желтоватые... Много храмов, преимуще-

ственно старинной постройки – XV-XVII вв. Очень красиво оформлена городская набережная. Далеко в море уходит мол, на котором располагаются бассейн и различные увеселительные заведения. В Гастингсе имеются хорошие пляжи, но в конце августа там никто уже не купается: температура воды в открытом море ниже допустимой нормы. Провели нас и по торговому центру, где функционируют разнообразные магазины, в том числе громадный пассаж с расположенными на двух этажах торговыми точками.

Названия некоторых улиц напоминают о событиях чуть ли не тысячелетней давности. Так наша школа располагалась на Revensey Road – именно в местечке Певенси осенью 1066 года высадился флот Вильгельма Завоевателя... Далее мы прошли через Warrior Square – Сквер Ратников – и вышли на улицу Norman Road, которая вывела нас к так называемому Восточному холму, который виден из любой точки города и представляет собой наиболее возвышенное место в окрестностях Гастингса. На верхнем плато холма видны развалины каких-то сооружений, возможно, построенных там еще во времена Вильгельма Завоевателя...

...Как оказался в Гастингсе этот дерзкий нормандец и по какому праву он претендовал на английскую корону?

...Вильгельм Завоеватель (William the Conqueror, 1028-1087) был незаконным сыном нормандского герцога Роберта I, носившего прозвище Дьявол. Отец в нем души не чаял и воспитывал его как своего будущего наследника. Когда Вильгельму было семь лет, Роберт Дьявол передал ему правление, а сам ушел замаливать свои грехи в святые места и где-то по дороге умер. Это удивительно, но Вильгельму удалось сохранить власть с помощью людей, верных его отцу, а вскоре он уже сам был в состоянии удерживать господство над своими нормандскими вассалами. Он быстро повзрослел и стал проявлять себя как человек очень волевой, способный, но крайне честолюбивый и непреклонный. Его всю жизнь преследовало унижительное прозвище Банкерт – Незаконнорожденный, и Вильгельм с неизменной жестокостью карал всякого, кто осмеливался хотя бы за глаза так его называть. Женившись на дочери графа Фландрского Балдуина V – Матиль-

де, Вильгельм породнился с одной из самых знатных семей Европы, и это заметно повысило его престиж на международной арене.

Вильгельм приходился родственником матери Эдуарда Исповедника, который, как мы знаем, воспитывался при нормандском дворе. Эдуард и Вильгельм называли друг друга кузенами, хотя принадлежали к разным поколениям: Вильгельм был двоюродным племянником английского короля. Таким образом, нормандский герцог стремился занять английский королевский престол по праву родства, хотя и не очень близкого.

...Но вот мы достигли подножия Восточного холма и по крутой тропинке начали восхождение к его вершине под начавшим накрапывать дождем. На вершине холма устроен музей-заповедник, куда пускают по билетам, причем для «семьи» – группы из двух взрослых и нескольких детей – полагаются существенные скидки. Мы не преминули воспользоваться предоставляемыми льготами и вскоре оказались на заветной территории.

Господствующий над местностью Восточный холм с незапамятных времен служил базой для создания наблюдательных пунктов и укреплений. Вильгельм Завоеватель оценил стратегические возможности этой возвышенности с плоской вершиной и после высадки на английское побережье приказал соорудить там насыпи из песка, дерева и обломков камней, но сразу же после его коронации эти временные укрепления были заменены капитальными каменными фортами.

Под все усиливающимся дождем мы полюбовались изумительным видом, который открывается с вершины холма, и осмотрели впечатляющие руины древних каменных сооружений. Из информационных щитов, установленных в соответствующих местах заповедника, мы узнали, что здесь можно видеть развалины замков и храма, построенных преемниками Вильгельма завоевателя в XII-XIV вв. Сооружений XI века не сохранилось. Там же на холме в небольшом летнем кинотеатре мы посмотрели короткометражный фильм о вторжении нормандцев на территорию Англии и последовавшем сражении. Перед началом сеанса вдруг зазвучала торжественная музыка, и в нишах слева и справа от

Гастингс. Торговый центр

Гастингс. Улица Norman Road

Фото Л. Казанкова

Руины замка на восточном холме (XI-XIII вв.)

Фото Л. Казанкова

экрана высветились фигуры англосаксонского и нормандского воинов в полном боевом облачении. На меня это произвело сильное впечатление...

После фильма, продемонстрировавшего имитацию средневековой баталии, мы еще раз прошлись по территории заповедника и окончательно убедились в том, что восточный холм никак не мог быть ареной сражения двух больших армий: и места для этого там слишком мало, да и конница не смогла бы взобраться на такую высоту. Значит знаменитая битва произошла где-то в другом месте... Но где?

Эта мысль занимала нас весь оставшийся день, в течение которого мы еще побывали в пещере ужасов, которая здесь называется «Пещерой контрабандистов»: Гастингс, несомненно, служил центром несанкционированного сбыта различных товаров, тайно ввозимых в страну. В обширных катакомбах были представлены различные атрибуты незаконного промысла, а также автоматы, демонстрирующие криминальные сцены, например, «Привал разбойников», «Камера узника», «Судилище», «Наказание»... Если бросить в соответствующий приемник мелкую монету, куклы, изображавшие контрабандистов, начинали двигаться, и вся сцена приобретала живость и наглядность.

Был в пещере и магазин сувениров, где надолго застряли участники нашей экскурсии, так что когда мы, наконец, вышли на поверхность, то обнаружили, что дождь льет, как из ведра, и нам всем пришлось бежать в направлении какого-то стоящего недалеке здания, каковое, на наше счастье, оказалось уютным кафе. Там мы вкусно и недорого поели, а я еще взяла для Лёни изящно упакованный пакет жареной картошки. Подкрепившись, мы успешно преодолели неблизкое расстояние до нашего дома на Charle Park Road и как раз успели к обеду (картофельная запеканка, тушеные овощи, яблочный сок).

Вечером мы с Лёней читали книгу Диккенса «История Англии для детей», которую взяли с собой в поездку, и обнаружили там следующее сообщение: «Оба войска всю ночь выжидали друг против друга на местности, которая тогда называлась Сенлак, а теперь называется Бэтл (Battle)». Позже, рассматривая выданную нам карту Гастингса, мы увидели, что через весь город идет улица под названием Battle Road, которая плавно переходит в

Hastings Road, и у самой северной границы города на этой магистрали изображена стрелка с надписью «To Battle».

Итак, осталось только выяснить, далеко ли от Гастингса расположен этот самый «Бэттл», и как туда можно попасть кратчайшим путем. Решение этого вопроса мы отложили до утра. Спать легли пораньше, так как на следующий день нам предстояла экскурсия в Лондон, стоимость которой входила в предварительную оплату нашей заграничной поездки.

20 августа, Суббота

Встав утром, мы увидели, что дождя нет, ярко светит солнце, кругом теплынь и благодать. Необычайно обрадованные таким улучшением погоды, мы наскоро позавтракали и отправились к месту стоянки экскурсионного автобуса – на расположенный вблизи набережной Warrior Square.

От Гастингса до Лондона около ста километров. В автобусе, кроме нашей группы, ехали еще девочки из какого-то московского вуза и студенты из Киева во главе со своим преподавателем Николаем Ивановичем, очень расторопным человеком. Он нам рассказал, что сумел выправить себе Шенгенскую визу и два дня назад побывал в Париже: сел на экспресс в Дувре, расположенном поблизости от Гастингса, и через четыре часа оказался в столице Франции. «А там, сами понимаете, Нотр Дам, Лувр, Эйфелева башня – все посмотрел за один день. Вечером на том же экспрессе – обратно в Англию...» Оставалось только позавидовать подобной оперативности.

На выезде из Гастингса мы в окно увидели указатель «To Battle» и стали обсуждать возможности поездки на место сражения. Как раз в этот момент мимо нас пробежал один из подопечных Николая Ивановича по имени Женя. Этот молодой человек не уступал бойкостью нрава своему педагогу, он все время перемещался по автобусу, беседовал то с одними, то с другими. Случайно услышав наш разговор, он тут же включился в обсуждение проблемы и объяснил нам, что попасть на знаменитое поле боя очень просто. Рядом с нашей школой находится железнодорожная станция Сент-Леонардо (Sant-Leonardo), откуда поезда ходят на Лондон. Вы садитесь на любую электричку и через несколько минут оказываетесь на станции «Battle», а оттуда легко пройти до

зданий аббатства, стены которого окружают поле исторического сражения. Мы были благодарны Жене за эту полезную информацию, совершенно успокоились и настроились на восприятие впечатлений от пребывания в Лондоне.

Первым делом нас повезли, как водится, в Тауэр, причем купили льготный экскурсионный билет на «детскую» группу. Я заметила, что в Англии очень снисходительно относятся к возрастным категориям: наши экскурсанты были, в основном, студентами, тем не менее все получили детские билеты. Засекли только одного пожилого преподавателя из нашего института, корректно указав ему, на то, что он уже несколько вышел из старшего школьного возраста.

Я на эту экскурсию не пошла, так как уже побывала в Тауэре в 1999 году. Лёня ушел с ребятами через ворота замка, а я уселась на одну из удобных скамеек, расположенных вдоль каменной ограды. Погода была чудесная. Я любовалась видом на Темзу, на Старый мост и отмечала про себя, что с тех пор, как я была здесь в прошлый раз, в городском пейзаже произошло немало изменений. Обращают на себя внимание построенные, видимо, совсем недавно здания в ультрасовременном стиле из стекла и бетона, имеющие причудливые геометрические формы – какие-то сферы, многогранники... На берегу Темзы устроен аттракцион – гигантское колесо обозрения, самое большое в мире! Столько изменений, и всего за шесть лет...

А можно ли представить себе, как выглядел Лондон лет 950 назад? Оказывается, можно, если под рукой имеется машина времени... и роман Литтона «Король Гарольд». И вот мы уже в середине XI века.

...Весной 1052 года нормандский герцог Вильгельм посетил Англию. Вместе с встречавшим его королем Эдуардом он проехал вдоль большой и широкой Кентской дороги, по сторонам которой над оврагами, пересекавшими эту местность во всех направлениях, шумели густые леса, перемежавшиеся с живописными изумрудно-зелеными лугами.

На местности там и тут были видны строения, оставшиеся от периода римского владычества: развалины хра-

мов, вилл, акведуков – а также культовые сооружения саксонцев с рельефными изображениями бога Тора и древними руническими письменами. Обращали на себя внимание жертвенники друидов – последователей религии коренного населения Англии. О продвижении в страну христианства свидетельствовали стоящие кое-где небольшие скромные часовенки.

Ближайшие окрестности Лондона представляли отрадную картину сельского благоденствия: дома богатых горожан были окружены зелеными лужайками и фруктовыми садами. Приблизившись к реке Темзе, путники увидели на левом ее берегу старинный замок. «Это Тауэр, в котором обитали наши предки. Я и сам прежде там жил», - пояснил король Эдуард. Вблизи замка были устроены две арены, где проводились травли быков и медведей.

Через реку был перекинут большой мост, знаменитый тем, что на нем в IX веке произошла кровопролитная битва между саксами и датчанами. Мост этот был так широк, что два экипажа могли свободно проехать по нему, двигаясь рядом. У начала моста находились две выстроенные еще римлянами полуразрушенные башни из кирпича и дерева, а возле них приютилась маленькая часовня. На другой стороне реки возвышался холм; в праздничные дни на его вершине потешали народ фокусники, жонглеры, бродячие комедианты. Неудивительно, что Старый лондонский мост был одним из популярнейших мест города, и по нему всегда перемещалось множество пешеходов. «Клянусь Святым Крестом! Ты, дорогой кузен, получил блестящее наследство!» – воскликнул пораженный всем увиденным Вильгельм.

Переехав мост, король и его гости очутились в Лондоне, который, по свидетельству современников, был сам по себе некрасивым и даже мрачным городом, застроенным деревянными домами. Там и сям на небольших площадях попадались храмы, окруженные садами. Среди них особо почиталась бедная и маленькая церковь святого Павла, где был похоронен один из древних саксонских правителей; этот храм был построен на развалинах римского капища Дианы. Вдоль Темзы протянулась возведенная римлянами еще в I веке стена, правда, уже сильно обветшавшая. Не-

вдалеке были видны полуразрушенные арки, оставшиеся от колоссального римского водопровода.

Далее королевская кавалькада проехала по небольшому мосту через речку Флит, и путники очутились у деревни Шеринг, возле которой уже был возведен новый Вестминстерский дворец и срочно достраивалась церковь того же названия. Когда-то здесь был римский храм Аполлона, но с появлением в Англии христианства на этом месте у западных ворот Лондона возник небольшой монастырь с церковью во имя апостола Петра. Эдуард Исповедник, считавший этого святого своим покровителем, дал обет возвести новый храм, и в течение четырнадцати лет там велись строительные работы. Вестминстер был окружен рвом, и попасть в резиденцию короля можно было только переправившись через водную преграду на лодке.

Каменная громада Вестминстерского дворца поразила воображение Вильгельма своими размерами, длинными рядами сводчатых окон, мощными пилястрами, колоннадой и массивными башнями. Этот дворец разительно отличался от других сооружений города... Сердце герцога радостно забило, и он воскликнул: «Да, в этих палатах занимается заря нового восходящего светила!» Несомненно, Вильгельм при этом имел в виду самого себя, так как со времени посещения Англии он стал мечтать о присоединении этой прекрасной страны к своим владениям. Доверенные люди Вильгельма окружили трон слабохарактерного Эдуарда и всячески пытались влиять на него, но им противостояли англосаксы, ненавидевшие надменных и жестоких нормандцев....

...Оставив Вильгельма, погруженным в его честолюбивые мечты, мы можем констатировать удивительную вещь: со времени визита нормандского герцога миновало 950 лет, а география Лондона во многом сохранила свои ориентиры. Оказывается, и Тауэр существовал с незапамятных времен, и собор святого Павла построен на развалинах древней церкви, и современное Вестминстерское аббатство находится на том самом месте, где его возвели при Эдуарде Исповеднике. Даже река Флит существует в названии улицы, возникшей на месте ее пересохшего русла...

Но вот из ворот Тауэра выходят наши экскурсанты, и мы снова усаживаемся в автобус, чтобы отправиться на другой конец города к знаменитому музею восковых фигур – Галерее мадам Тюссо. Я не пошла и на эту экскурсию, так как много раз бывала на подобных выставках, и на меня они всегда производили неприятное впечатление... Я предпочла самостоятельно погулять по улицам Лондона. Для начала я угостилась мороженым в небольшом кафе как раз напротив Галереи. Сидя за столиком, вынесенным прямо на тротуар, я побеседовала с какими-то туристами вроде меня, адекватно владеющими английским языком, причем выяснила, как пройти на Бейкер стрит, где находится музей Шерлока Холмса. Нам было обещано, что после музея восковых фигур мы успеем побывать и там, потому что оба культурных объекты находятся недалеко друг от друга. К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться: восковые фигуры, залы ужасов и тому подобное надолго задержали моих юных спутников. Что же касается меня, то я опасалась надолго покидать свой наблюдательный пункт, поэтому дошла только до станции метро «Бейкер Стрит», возле которой установлен памятник знаменитому литературному персонажу.

На шумной Marylebone Road, текущей мимо станции метро, я присела на остановке экскурсионных автобусов, куда подъезжали двухэтажные машины с открытой верхней площадкой. Путешествующие по определенному маршруту туристы имеют возможность просто проехать по намеченному пути, а могут и выйти на любой остановке, чтобы поближе ознакомиться с какими-нибудь достопримечательностями; потом можно сесть на другую машину и продолжать экскурсию. На скамеечке, где я сидела, лежали различные карты и проспекты. Я начала их рассматривать, и ко мне тут же подошли молодые люди, обслуживавшие данное мероприятие, с предложением купить билет на какой-нибудь маршрут. Мы некоторое время выясняли отношения, и после того, как я пообещала в будущем обязательно принять участие в экскурсионной поездке, мне подарили подробную карту Лондона, чему я была очень рада.

Затем я прогулялась по улице, параллельной Marylebone Road, и была приятно удивлена тем, что в двух шагах от шумной магистрали может быть настолько тихо и спокойно. Длинный

Гастингс. Charle Park Road, №7

Фото Л. Казанкова

У стен Тауэра

Лондон. Старый мост

Фото Л. Казанкова

Лондон. Вестминстерское аббатство

трехэтажный дом, каждый подъезд которого был входом в отдельную квартиру, смотрел своими окнами на пустынный зеленый скверик. У начала и конца дома были установлены шлагбаумы, так что посторонние машины не могли сюда заехать...

Экскурсия по Галерее закончилась около четырех часов дня, ребята вышли переполненные впечатлениями, и дальнейший путь мы продолжили пешком. Некоторые наши попутчики отправились в автономное плавание по английской столице, но мы с Лёней ни на шаг не отставали от женщины, выполнявшей при нас обязанности гида. Вместе с ней мы проехали на метро с пересадкой до станции «Вестминстер». Что сказать о лондонском метрополитене? Я слышала много разнообразных, в том числе, негативных отзывов о нем, но я ничего особенного не отметила: метро как метро, правда, не блещет отделкой. Конечно, московские подземные станции намного красивее.

Мы вышли из метро на станции «Вестминстер» и оказались вблизи здания английского парламента как раз напротив Часовой, или Вестминстерской башни. В свое прежнее посещение Лондона я видела парламент издалека, но теперь, оказавшись у подножия Часовой башни, была поражена ее грандиозностью: по словам нашего гида, высота сооружения составляет 98 метров. Невдалеке видна вторая башня, украшающая здание парламента – это знаменитая Виктория, ее высота 104 метра.

На Вестминстерской башне располагаются часы Биг Бен, впечатляющие своими размерами. Каждый из четырех циферблатов Большого Бена имеет восемь метров в поперечнике, причем каждая цифра на них составляет 0,75 метра; минутная стрелка имеет длину 3,5 метра, а маятник часов весит 200 кг...

Полюбовавшись уникальными часами, мы прошли вдоль Английского парламента – барочного здания изумительной красоты, а потом форсировали неширокую улицу и оказались около величественного Вестминстерского аббатства, богато украшенного каменной резьбой. Конечно, это совсем не то сооружение, которое построили при короле Эдуарде Исповеднике: современное здание аббатства возводилось с начала XIII века... Мы осмотрели снаружи этот знаменитый храм, где покоятся многие знаменитые люди Англии, и сделали несколько снимков...

Но пора в обратный путь. Автобус уже ждал нас вблизи станции метро «Вестминстер». Постепенно все экскурсанты заняли свои места, причем Николай Иванович появился в последний момент, обремененный многочисленными сумками, пакетами, тюками... Обратный путь проделали без приключений и в восемь часов вечера уже сидели за гостеприимным обеденным столом мистера Конвея.

21 августа, воскресенье

В этот день у нас была запланирована еще одна экскурсия – в замок Лидс (Leeds), который считается «старейшим и самым романтичным из английских великолепных дворцов».

История замка началась в IX веке, при короле Этельберте, когда живописная территория вдоль берегов реки Лен стала поместьем англосаксонской династии. А свое название эта местность получила от расположенной поблизости саксонской деревни Эслидс. Вначале все строения здесь были деревянными, но в 1119 году владельцы имения построили первый каменный замок.

Сейчас на территории поместья Лидс находятся сады с плодовыми деревьями, парковая зона, оранжереи и виноградники. Первое, что мы увидели в Лидсе – это «утиный пруд», где плавали не только утки, но также черные и белые лебеди. Побывали мы и в так называемом «птичнике», где содержится более ста экземпляров редкостных и даже экзотических птиц – туканы, различные виды попугаев и т.п. Резкие крики этих удивительных пернатых слышны издали...

В укромном уголке парка устроен лабиринт из кустарниковых растений, где мы с Лёней... заблудились. Сначала было смешно, а потом мы начали беспокоиться: вдруг и вправду не сможем отсюда выбраться и отстанем от нашей экскурсии. К счастью, на холме, возвышавшемся над лабиринтом, стоял смотритель этого заведения, и следуя его указаниям, мы вскоре вышли из хитросплетения коридоров с зелеными стенами. Правда, оказались мы не у выхода из лабиринта, а в искусственном гроте с небольшим водопадом, так что пришлось преодолеть еще одну «полосу препятствий», натерпевшись страха и промолив ноги.

Но, конечно, наибольшее впечатление производит сам замок. Он построен на искусственном «острове» – участке суши,

Поместье Лидс (Leeds)

Замок Лидс

Помесье Лидс. Утиный пруд

Фото Л. Казанкова

омываемом со всех сторон водами реки Лен. Замок Лидс считается национальным достоянием Великобритании, и хотя он находится в частной собственности, имеется попечительский совет, во главе которого стоит принцесса Александра - сестра королевы Елизаветы II. В обширном величественном здании замка сейчас проводятся различные общественные мероприятия: конференции, съезды, презентации, и в связи с этим здесь были оборудованы современные помещения: приемные, конференц-зал, библиотека; имеется также 467 (!) спален.

Экскурсантам предоставляются для осмотра помещения замка, связанные с именами английских королевских особ. Здесь жили Эдуарды I, II, III, а также Генрихи IV, V, VI и VIII. Именно здесь, в замке Лидс, зародилась династия Тюдоров. Вот как это произошло. В августе 1422 умер король Генрих V, оставив жену и девятимесячного сына. Вдова короля Екатерина Валуа, которой был всего 21 год, влюбилась в придворного Оуэна Тюдора, ведавшего ее гардеробом и драгоценностями. Когда отношения влюбленных получили огласку, обоих бросили в темницу, но, как оказалось, они уже были тайно обвенчаны. Впоследствии королеву освободили, а ее супруг сам бежал из Ньюгетской тюрьмы.

Сын Генриха V и Екатерины был коронован в младенчестве под именем Генриха VI. С годами его правления (1422-1460) связано много драматичных событий в истории Англии, в том числе нападение на Францию и явление Орлеанской Девы, война Алой и Белой Розы... Генрих VI был слабым правителем, и при нем знатные вельможи вели между собой борьбу за власть. Еще при его жизни был коронован новый король – Эдуард IV, а Генрих VI был заточен в Тауэр, где он и умер в мае 1471 года.

А вскоре на историческую арену выступили потомки Екатерины Валуа и Оуэна Тюдора. Их внук в результате целого ряда интриг и кровавых потасовок сумел добиться власти, и в 1483 году он был коронован под именем Генриха VII Тюдора. В 1509 году его сменил на престоле сын – король Генрих VIII, который много времени проводил в Лидсе и способствовал украшению этого замка. Сейчас там демонстрируются принадлежавшие ему покои: кабинет, часовня, огромная и очень красивая трапезная – настоящий банкетный зал.

Об этом монархе, правившем страной с 1509 по 1547 год, Диккенс написал: «Я возьму на себя смелость называть его самым отъявленным мерзавцем, какого только носила на себе земля». Генрих VIII разорял церкви и монастыри, он заключил в тюрьму и уничтожил множество своих современников, в том числе Томаса Мора. Необычайную жестокость проявлял он и к своим женам. Первую из них – Екатерину Французскую (мать Марии Кровавой) король бесцеремонно удалил, Анну Болейн (мать Елизаветы I) и Катарину Говард – обезглавил; были изгнаны королема Анна Клевская и Катерина Парр, чудом избежавшая казни. Своей смертью умерла третья жена Генриха VIII - Дженни Сеймур, мать короля Эдуарда VI, явившегося прототипом героя повести Марка Твена «Принц и Нищий». При Эдуарде VI замок Лидс перешел в частные руки.

Как ни странно, но англичане относятся к королю-изуверу как-то снисходительно: называют его «Веселый король Хэл» и «Дюжий король Гарри». Современный музыкант Рик Уэйтмен даже написал музыкальную композицию «Шесть жен короля Генриха VIII». В Англии пользуется популярностью шоколад с таким же названием и изображениями несчастных жен на обертке... Между прочим, Генрих VIII, так же как другой тиран – русский царь Иван Грозный, опровергает известный тезис Пушкина: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Английский король был известным композитором эпохи барокко; в Англии существуют общества, которые исполняют и пропагандируют музыку «Веселого Гарри». А Иван Грозный сочинял строгие и прекрасные так называемые «грегорианские хоралы» для мужского хора и сам записывал их нотными «крюками».

...Лидс называют «Замок шести королев»: там подолгу жили жены многих из упомянутых выше монархов, но посетителям сейчас демонстрируют только покои Екатерины Валуа, в том числе ванную комнату, основными экспонатами которой являются бочка внушительных размеров и балдахин над ней.

Перед отъездом из Лидса мы купили красочный проспект этого замечательного музея на русском языке, и там на одной из последних страниц мы прочитали: «За несколько лет до нормандского завоевания король Эдуард Исповедник даровал поместье Лидс могущественному дому Годвинов».

Так может быть, именно сюда Гарольд приезжал из Лондона незадолго до своей гибели, чтобы отдохнуть от тревог среди прекрасных лесных угодий! В последние годы жизни на его долю выпало слишком много государственных забот и ратных свершений...

Скорее, скорее в машину времени (наш туристический автобус) и на ней – в глубь веков...

...Гарольд Годвинсон так же, как и его отец, пользовался большой популярностью в народе. Огюстен Тьерри так объясняет причину всеобщей любви англичан к сыну Годвина: «Англия освободилась от господства скандинавов... не посредством избиения нескольких датчан, а ведением открытой войны. Сын Годвина Гарольд и сам Годвин были главными действующими лицами в этой народной войне...» Как нормандские, так и саксонские хроники отзываются о Гарольде самым положительным образом. Приведем характеристику этого человека со слов Литтона: «Любовь к родине, стремление к справедливости, твердость в счастье, смирение в несчастье были его отличительными чертами».

Без сомнения, Гарольд был выдающимся государственным деятелем. Практически, он стал королем Англии еще при жизни Эдуарда Исповедника и неизменно проявлял себя как умный и деятельный правитель. В своей внутренней политике он базировался на трех важных опорах власти: народной любви, сочувствии духовенства и военном могуществе государства. Гарольд частью отменил, частью облегчил обременительные подати и налоги, увеличил жалование ратникам и верным слугам короля. Он поощрял иностранных купцов, давая им разные привилегии, и даже позволил нормандцам владеть имуществом, приобретенным в Англии.

В одной из англосаксонских хроник ему дается такая характеристика: «Не было в Англии человека умнее Гарольда, бесстрашнее в сражении, более сведущего в законодательстве, более совершенного во всех отношениях».

Гарольд и его братья в пятидесятых годах XI века стали наиболее крупными землевладельцами в Англии, что было важно для общественного веса и популярности этой

семьи. «Дом Годвина, - пишет Фримен, – достиг, таким образом, высшей ступени силы и значения, каких только может достичь дом подчиненный. Пять братьев, сыновей одного отца, своей отвагой и разумом достигшие высшего положения в обществе, поделили между собой большую часть Англии. В их руках было целое королевство, кроме, разве, немногих областей в центре страны – Нортумбрии и Мерсии. Это обстоятельство было особенно важно для возвышения Гарольда и позволило ему претендовать впоследствии на королевскую корону».

Прославился Гарольд также как умелый военачальник. Средневековые хроники характеризуют Гарольда как человека исключительной отваги, хотя он «презирал зверскую смелость, чуждаясь в душе кровопролития». Ему приписываются слова: «Ни одна капля английской крови не должна обогреть английский меч!» Такого принципа Гарольд всегда придерживался по отношению к правителям отдельных областей Англии, называвших себя «королями» и претендовавших на абсолютную полноту власти. Противоречия и распри между самостоятельными графствами и королевствами буквально раздирали на части средневековую Англию, но Гарольд старался решать спорные вопросы дипломатическим путем, вступая на путь войны только в самом крайнем случае.

Известна, например, его война с Гриффидом, королем Уэльса: гористой страны, заселенной валлийцами, потомками коренного населения Британии. На равнинах Уэльса Гарольд одерживал победы, но в горах ему было трудно сладить с местным населением: воинственные кельты, отличавшиеся маленьким ростом, налегке проворно перемещались по горным тропам и перевалам, а саксонцы в доспехах и с тяжелым вооружением проигрывали им в скорости и маневренности. Тогда Гарольд перевооружил свои войска, облегчил их экипировку и снова начал одерживать победы одну за другой.

Наконец, за Гриффидом остались лишь последние его укрепления высоко в горах. «Я бы мог завладеть этими вершинами, но только пожертвовав громадным количеством воинов и убив всех врагов, а я хотел бы избежать того и другого», - так или, может быть, несколько иначе сказал

Гарольд, но смысл его действий был именно таким. Он посылал к Гриффиду одного парламентаря за другим, уговаривал его сдаться, обещая сохранить ему жизнь и достоинство, но валлийский король продолжал упорствовать в своей безрассудной гордости. В конце концов, вожди кельтов, желавшие сохранить себе жизнь, убили Гриффиды и отослали его голову Гарольду... Такой ценой была предотвращена бойня...

События эти относятся к 1062 году и характеризуют Гарольда как выдающегося полководца. Об этом писали историки последующих времён, в частности, Иоанн Солсберрийский (XIII век). Существует мнение, что знаменитое построение средневекового войска клином («англодатский клин») являлось новацией Гарольда, впервые примененной им во время войны с Гриффидом.

Женой поверженного короля валлийцев была особа знатного рода – Эльдита Мерсийская, сестра влиятельных графов (или королей) центральных областей Англии, Эдвина и Моркара. Многие правители искали союза с ними, в том числе и Годвин хотел скрепить дружбу с Мерсийскими властителями, женив своего сына Гарольда на красавице Эльдите. Однако Гарольд категорически отказался от этого заманчивого предложения, и предполагаемый династический брак не осуществился. Эльдита по воле братьев стала женой валлийского короля, родила ему дочку...

Только после гибели Гриффиды Гарольд и Эльдита встретились вновь. Победитель оказывал жене и дочери поверженного короля подобающие им почести; вскоре они были отправлены в Мерсию. Возможно, именно тогда между Эльдитой и Гарольдом возникла взаимная симпатия, так как впоследствии, много лет спустя, они все-таки поженились...

Нам не известно имя дочери Эльдиты и Гриффиды, и о ней здесь можно было бы не упоминать, но эта девушка не затерялась в истории: она явилась одной из прародительниц королевы Марии Стюарт, что само по себе очень интересно для генеалогии английских и шотландских королевских родов.

Стремительно возрастающая популярность Гарольда Годвинсона и увеличение его влияния на короля не могли

не волновать нормандского герцога Вильгельма. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что при дворе короля Эдуарда все большую силу набирает англосаксонская партия. Поэтому Вильгельм попытался нейтрализовать своих противников.

Еще при жизни Годвина, в 1051 году, он взял к себе в качестве заложников мира его младшего сына Вольфнота и внука Хакона, сына Свена. Оба они долгие годы провели в Нормандии, однако Вильгельм понимал, что в случае смерти короля Эдуарда это обстоятельство не остановит Гарольда в его притязаниях на английскую корону.

Случай дал в руки Вильгельму уникальный шанс. Летом 1065 года Гарольд отправился в плавание по Английскому каналу (Ла-Маншу). Доподлинно неизвестно, какова была цель его путешествия, возможно, Гарольд просто совершал увеселительную прогулку, так как с ним вместе на судне находилась его младшая сестра Эльфгиву. По другой версии, Гарольд направлялся в Нормандию, чтобы увезти оттуда племянника и брата, находившихся в плену у Вильгельма. Как бы то ни было, но внезапно начавшаяся буря прибила корабль Гарольда к нормандскому побережью близ устья реки Сомм у местечка Понтьё. Владелец этого участка побережья, граф Гюи, не преминул захватить Гарольда и всех его спутников в плен, пользуясь действовавшим на западе Европы во времена средневековья «береговым правом»: в случае кораблекрушения местный феодал мог себе присвоить все, что не стало добычей моря, включая людей, за которых можно было получить выкуп...

Узнав о пленении Гарольда, Вильгельм приказал своему вассалу немедленно освободить саксонца и доставить его в свою резиденцию – Руан. Гарольду был оказан блистательный прием: его осыпали всяческими почестями, при дворе были организованы военные игры, и гостя посвятили в нормандские рыцари. Вместе с Вильгельмом Гарольд принял участие в непродолжительной войне Нормандии с Бретанью, причем поразил всех своей отвагой, ловкостью и силой: при переправе через зыбучие пески вблизи устья реки Сены он переносил на руках вооруженных воинов.

Вильгельм ввел Гарольда в свой семейный круг. Сестра его Эльфгиву была просватана за одного из богатых

нормандцев, а самому Гарольду Вильгельм предложил жениться на своей дочери Адели и этим навечно скрепить союз Англии и Нормандии. Правда, Адель была еще маленькой девочкой, так что окончательное решение этого вопроса было отложено на будущее...

Тем не менее Гарольда не отпускали в Англию и даже не давали свободы самостоятельного перемещения. Он фактически находился в плену, хотя его клетка и была позолоченной. А тем временем Вильгельм подготовил против него акцию, исполненную низости и коварства.

Он сказал, что отпустит Гарольда домой, если тот не будет претендовать на английскую корону в случае смерти Эдуарда Исповедника, и саксонец под давлением обстоятельств вынужден был это пообещать. А Вильгельм немедленно провел Гарольда в дворцовый Зал Совета и заставил его повторить свое обещание в торжественной обстановке и в присутствии всех знатных особ Нормандии. Гарольда подвели к какому-то высокому ларцу, покрытому парчовой скатертью, на котором лежал меч. Гарольд должен был положить руку на это оружие и поклясться, что он будет содействовать возведению Вильгельма на английский престол, женится на его дочери и выдаст сестру за нормандского рыцаря...

Гарольд не был морально подготовлен к такому испытанию. К тому же сердце его было отуманено хитростью герцога и мыслью о неизбежной гибели Англии, если его и дальше будут держать в плену. Почти бессознательно, словно во сне, произнес он эту клятву, и в тот же миг по знаку Вильгельма с ларца был снят парчовый покров. Крышку ларца приподняли, и Гарольд увидел, что он присягал над ковчегом, заполненным мощами святых и другими самыми почитаемыми в Нормандии реликвиями. Он страшно побледнел и вздрогнул, а герцог Вильгельм произнес: «Страшную клятву дал ты, Гарольд! Мертвые все слышали, и небесная кара обрушится на тебя, если ты нарушишь данное слово!»

Торжественная присяга в Руане дорого обошлась Гарольду впоследствии, и объяснить его поведение в сложившейся ситуации можно отчасти особенностями его характера. «В опасностях, с которыми он уже успел освоить-

ся, ничто не могло состязаться с ним в твердости и чрезвычайной ловкости, но если его застигали врасплох, его нетрудно было вовлечь в крупные промахи», — писал И.М. Ивакин.

Добившись своего, Вильгельм отпустил Гарольда в Англию вместе с племянником Хаконом. Младший сын Годвина, Вольфнот, остался в Нормандии: он так свyksя с обычаями и развлечениями герцогского двора, что не хотел возвращаться на родину...

Машина времени доставила нас в Гастингс около семи часов вечера, высадила на уже знакомом Warrior Square и, приняв обличие экскурсионного автобуса, быстро скрылась из виду. А мы отправились уже знакомой дорогой к нашему временному пристанищу, где царило необычайное оживление: наш хозяин устроил «барбекю». Во дворе на жаровне готовилось нечто мясное, дом был полон гостей африканского происхождения, гремела музыка. Нам на обед достались куриные конечности, овощи, вкусный жареный картофель. Хозяева и гости приглашали нас принять участие в развернувшемся веселье, но мы очень устали от поездки и, душевно со всеми распрощавшись, пошли спать. А танцы во дворе продолжались до глубокой ночи.

22 августа, понедельник

В этот день я решила не идти в школу, чтобы подготовиться к поездке в Бэттл, а мальчики отправились на занятия. В доме было тихо, все разошлось по своим делам. Но вдруг раздалось гудение пылесоса: пришла уборщица. Чтобы не слишком удивить ее, я вышла на лестничную площадку и познакомилась с симпатичной девушкой-албанкой по имени Роза, которая по понедельникам производила уборку трехэтажного дома мистера Конвея. Поговорив с Розой, я начала готовиться к беседе с сотрудниками музея-заповедника «Battle». У меня оказалось достаточно времени, чтобы подумать о всех тех событиях, которые предшествовали сражению близ города Гастингса...

...В ноябре 1065 года король Эдуард Исповедник серьезно заболел и больше не смог подняться с постели.

Гарольд был возле короля до последних его минут. В какой-то момент он наклонился к умирающему, как бы прислушиваясь к его последним словам, а затем выпрямился и воскликнул: «Слушайте все! Король возложил на меня бремя власти и просил принять от него английскую корону!»

Произнес ли Эдуард на самом деле эти последние слова – проверить невозможно. Но как бы то ни было, после смерти короля, последовавшей в начале января 1066 года, Гарольд оказался одним из наиболее вероятных претендентов на королевский трон. Хотя, надо отметить, что существовала еще одна ветвь саксонской королевской династии, представители которой имели право на английскую корону. И судьбы этих людей, как ни странно, были связаны со средневековой Русью.

...У короля Эдуарда был единокровный брат Эдмунд Железнобокий, сын короля Этельреда Нерешительного от первого брака. Напомним, что сам Эдуард Исповедник был сыном упомянутого короля от его второго брака с нормандкой Эммой. Железнобокий погиб в борьбе с датчанами в 1016 году, и захвативший власть в стране король Канут выслал его сыновей Эдгара и Эдуарда в Данию. Однако молодые люди, не без оснований опасаясь за свою жизнь, бежали оттуда вместе со своим воспитателем Вальгаром в Скандинавию, а затем каким-то образом оказались на Руси. Есть предположение, что они появились при дворе Ярослава Мудрого вместе со свитой невесты князя - Ингигерды (в крещении Ирины), дочери шведского короля. Этот факт многократно засвидетельствован хронистами, например, Адамом Бременским и нормандцем Жеффреем Гаймаром. Отмечено это событие также Карамзиным: «Дети мужественного короля Англии Эдмунда, изгнанные Канутом, искали безопасности в нашем отечестве». Путешествие английских принцев ознаменовало первые русско-британские контакты, до этого упоминаний о появлении англичан на Руси не было.

Дальнейшая судьба принца Эдгара неизвестна, по видимому, он умер вдали от родины. Эдуард же пробыл в изгнании 40 лет. После Киева он оказался в Венгрии, женился на племяннице немецкого императора Генриха II Агате, имел от нее сына Эдгара Этелинга (Edgar Etheling), про-

звание которого в переводе с англосаксонского означало «Знаменитый», а также двух дочерей: Христину и Маргариту.

Эдуард Исповедник знал об этих своих племянниках и рассматривал Эдгара Этелинга как вероятного наследника престола. В 1057 году он вызвал Эдуарда с семьей в Англию, но в год своего возвращения тот умер. Дети же его жили в Лондоне и получали соответствующее воспитание. Однако представителям дворцовой знати Эдгар Этелинг не нравился: этот мальчик лет двенадцати-тринадцати, долго живший за пределами Англии, плохо говорил на саксонском наречии, презрительно относился к своим соплеменникам, был инфантилен и высокомерен. Так что его кандидатура на роль английского короля была отвергнута. Впоследствии Эдгар и его сестры бежали в Шотландию, где король Малькольм III принял их как законных наследников английского престола. Через некоторое время он женился на сестре Эдгара Маргарите, но она умерла молодой. Другая сестра Этелинга, Христина, стала монахиней в одном из шотландских монастырей и посвятила свою жизнь воспитанию племянников.

Итак, реальными кандидатами на королевский трон оказались Гарольд Годвинсон и нормандский герцог Вильгельм. Но сделать заявку на корону было слишком мало: король в средневековой Англии выбирался всенародно. Для этого существовал особый выборный орган под названием «Витенагемот» (Witenagemot), каковой историкой склонны рассматривать как предтечу палаты представителей в английском парламенте.

...На обширной поляне собирался весь свободный в данный момент народ, чтобы принять участие в выборах. О своем решении каждый волен был сообщить громким криком, потрясая при этом мечом, луком, палкой, одним словом, тем, что было в руках... Будучи теоретически вполне демократичным учреждением, Витенагемот на практике оказывался аристократическим собранием, так как обыкновенно на выборы являлась привилегированная часть общества: графы, епископы, аббаты, приближенные короля, военачальники.

Однако, когда какой-либо особенно важный вопрос обращал на себя народное внимание, в путь отправлялась масса народа – и простолюдины, и влиятельные таны. Поясним, что слово «тан» или «тен» (thane, thegn), заменившее более древнее «эрл», «ярл» (eorl), означало личного слугу короля, а также начальника дружины.

Выборы нового короля Англии были исключительно важным поводом для представительного народного собрания. При большом стечении народа сын Годвина был единогласно выбран и коронован под именем Гарольда II в только что окончательно отстроенном и освященном Вестминстерском аббатстве. Это произошло 6 января 1066 года, сразу же после погребения Эдуарда Исповедника.

Гарольд стал королем Англии, а Вильгельм Нормандский превратился в его злейшего врага. Нарушение клятвы, клятвопреступление – вот что вменяли Гарольду в вину не только Вильгельм, но и другие его современники, а впоследствии и потомки. Что могло служить оправданием Гарольду в этом серьезном проступке? Передадим известные по историческим материалам слова Гарольда, которые он сказал послу Вильгельма: «Я клялся герцогу, но клялся поневоле. Я обещал то, что не было моим, и что исполнить я не могу: королевская власть не моя собственность. Как я могу сложить ее с себя без воли моей земли, ее вождей?» Не смог Гарольд выполнить и другие обещания, данные Вильгельму: незадолго до коронации он женился на Эльдите Мерсийской. По мнению историков, этот брак был заключен из политических соображений: король хотел привлечь на свою сторону братьев своей жены – властителей Нортумбрии и Мерсии. Что же касается сестры Гарольда, то она неожиданно скончалась в начале 1066 года. «Молодой моей сестры больше нет в живых, а мертвой не нужны объятия жениха», – так ответил Гарольд на требование Вильгельма прислать Эльфгиву в Нормандию.

...В апреле 1066 года в небе над Англией и Нормандией появилась яркая комета, и это явление вызвало много толков и опасений. Комета медленно двигалась на юг, и все соглашались, что это некое знамение, но что оно предвещало: плохое или хорошее – никто не знал. И если саксонцы относились к явлению кометы негативно, то в Норман-

дии подданные герцога решили, что это взойдет звезда Вильгельма и она поведет его к успеху.

Вильгельм незамедлительно начал готовиться к вторжению в Англию с целью захвата королевского престола. Наказание клятвopреступника – вот что было написано на его знаменах, и под эти знамена он собирал рыцарей из Нормандии, Франции, Германии... Предприимчивый герцог даже добился благословения римского папы: Англию в Ватикане не жаловали, вменяя ей в вину церковную и национальную независимость.

Вильгельму не терпелось начать военные действия, однако он не был готов к немедленному выступлению против Англии, так как не располагал судами для преодоления Ла-Манша, поэтому он тут же начал собирать средства на создание флота.

Ранней весной в устье реки Дайвс началось строительство кораблей. Флот Вильгельма, по свидетельству современников, состоял из нескольких сотен судов. Во всяком случае, доподлинно известно, что приближенные герцога, в том числе его брат Одо, снарядили 360 кораблей. Флагманом этой флотилии был личный корабль Вильгельма «Моро», на мачтах которого красовались алые паруса, а на носу была вырезана и позолочена фигура мальчика, стреляющего из лука. Этот корабль подарила герцогу его жена Матильда Фландрская, которая, кроме того, собственноручно вышила занавески для каюты Вильгельма. Она сама вместе с сыном Робертом приехала провожать в поход войско мужа.

...Нормандскому герцогу было непросто завоевать расположение этой благородной дамы. Она была прежде замужем за одним из знатных рыцарей Фландрии, но рано овдовела. Матильда кичилась своим знатным происхождением и считала незаконнорожденного Вильгельма неровней себе. Она долго водила герцога за нос, пока он однажды не отхлестал ее плеткой в присутствии сестры и служанок. После этого Матильда стала сговорчивее и, в конце концов, согласилась выйти за Вильгельма замуж. Впоследствии она проявила себя верной и любящей женой, к тому же Матильда была очень честолюбива и лелеяла мечту когда-нибудь надеть королевскую корону...

...Флот вышел в море 15 августа 1066 года, и корабли Вильгельма при попутном ветре направились к берегам Англии. Внезапно ветер усилился, и к ночи поднялась настоящая буря, которая продолжалась до рассвета, и хотя ветер к утру немного утих, волнение моря все еще было велико. Только к вечеру Вильгельм смог оценить размеры своих потерь: несколько кораблей затонуло, а остальные суда были потрепаны бурей и нуждались в ремонте. Кроме того, за борт смыло часть припасов, оружия и лошадей...

Герцог приказал судам повернуть к побережью, и корабли бросили якоря в устье реки Сомм близ города Сен-Валери. Там был произведен весь необходимый ремонт, но тут ветер вдруг поменял свое направление, и флот не мог двинуться к английским берегам. Дни шли за днями, а благоприятного ветра всё не было, и в войске Вильгельма началось недовольство, которое чуть было не переросло в открытый бунт.

Тогда Вильгельм решил устроить религиозную процессию и молебен. Из гробницы извлекли мощи святого Валерия и пронесли их по всему городу. Затем нормандцы опустились на колени и зывали к святому, умоляя его ниспослать попутный ветер... Все взоры были устремлены на флаги, трепетавшие на мачтах... Солнечный свет потух, холодом обдало стоявших на коленях воинов... И вдруг раздался крик: «Ветер утих! Завтра он изменит свое направление!»

Так и случилось: утром корабли вышли в открытое море и при устойчивом юго-западном ветре пересекли Ла-Манш. 29 сентября нормандцы высадились в удобных для стоянки бухтах на протяженном участке побережья – от Пенвенси до Гастингса. На судах были привезены в разобранном виде деревянные укрепления, и сразу же началась их сборка и установка.

...Развернувшиеся в 1066 году в Англии и Нормандии события настолько меня поглотили, что я с большим трудом смогла вернуться в реальную действительность XXI века. Но в 12 часов пополудни пришли из школы мальчишки, и мне пришлось на ходу соскочить с машины времени...

Этот день был непогожим, дождливым, и после небольшой прогулки по городу, во время которой был найден короткий путь к железнодорожной станции Сент-Леонардо, мы вернулись домой. С помощью наших продвинутых в английском языке студентов я составила краткое резюме о значении битвы при Гастингсе для русской истории и переписала его на оборотной стороне ксерокопии моей статьи о короле Гарольде, которая в свое время была напечатана в московской газете «Тверская 13».

Конец дня мы провели спокойно в гостеприимном доме мистера Конвея – трехэтажном строении с подвалом и обширным чердаком. Дом украшают эркеры, которые проходят по всей высоте особняка. Как и большинство зданий в Гастингсе дом этот послевоенной постройки: город был почти полностью разрушен во время Второй мировой войны. Поэтому наше временное жилище оказалось вполне современным и комфортабельным.

На первом этаже дома – передняя, гостиная и столовая, отделенная невысоким барьером от кухни. Из нее дверь ведет в небольшой дворик размером, примерно, в одну сотку. На верхних этажах располагаются спальни. В каждой комнате камин, которые, впрочем, играют декоративную роль, так как в доме функционирует паровое отопление. На каждом этаже имеются туалеты и ваннные комнаты. С этажа на этаж ведут широкие деревянные лестницы с окнами на каждой площадке. Некогда в этом доме жила большая семья: наш хозяин был трижды женат и имел шестерых детей. В настоящее время вместе с хозяином здесь обитают его последняя жена и двое их взрослых детей.

В маленьком курортном городке трудно с работой и мало возможностей для хороших заработков, поэтому предприимчивый мистер Конвей превратил свой дом в гостиницу: он заключил договор со школой Johan Hazell, и у него каждую неделю-две меняются постояльцы – учащиеся этого заведения. Конечно, это хлопотное дело, но в доме имеются стиральные машины, электрическая плита, посудомойка. Всем этим сложным хозяйством руководит мистер Конвей – крепкий и энергичный человек лет шестидесяти. Жена его Сесил работает ночной дежурной в местном хосписе и, кажется, участия в бизнесе мужа не принимает.

Комната, в которой жили мы с Лёней, видимо, предназначалась раньше для одного из детей хозяина: там стоял письменный

стол и книжный шкаф. Вечером мы, расположившись на полу, рассматривали взятые с полок шкафа тома богато иллюстрированной «Британской энциклопедии», а также Библию с гравюрами Гюстава Доре, изданную в XVIII веке...

Поздно вечером Лёня, Сережа и Саша были в гостях у сына наших хозяев – симпатичного молодого человека лет двадцати, очень похожего на свою мать. Оказалось, что он сочиняет на компьютере музыку, а жившие с нами молодые люди тоже этим увлекаются. Примечательно, что никто из них не имеет музыкального образования, они даже не знают нот...

...Я очень волновалась, как мы с Лёней поедem одни в незнакомое место в чужой стране, и долго не могла заснуть в тот вечер. Я думала о герцоге Вильгельме и не могла не отдать должного его уму, хладнокровию, распорядительности...

...Вильгельм своевременно позаботился о том, чтобы привлечь себе на помощь союзников. Первым из них выступил Тостиг Годвинсон, женатый на Джудит, сестре герцогини Матильды. У него были свои счеты с новым английским королем Гарольдом II, не поддержавшим его притязаний на Мерсию и Нортумбрию. Заодно с Тостигом выступил норвежский король Гаральд – такова скандинавская транскрипция уже знакомого нам имени Гарольд. Этот человек носил прозвище Гардрада, что в переводе с норвежского означает «стойкость, строгость, мужество» и в то же время «деспотизм, тиранию». Поэтому одни историки называли его Гаральдом Мужественным, даже Смелым, а другие – Жестоким Правителем.

Был этот человек огромного роста: в саге, ему посвященной, сказано, что высота его была пять норвежских локтей, что в пересчете на современную метрическую систему составляет 2,4 м. Это, скорее всего, преувеличение, но все-таки, по свидетельству саксонских хроник, рост Гардрады равнялся, по крайней мере, семи английским футам, то есть, был не меньше, чем 2,15 м. При этом Гаральд был соразмерно сложен, красив, как бог Один, умен и талантлив: он прославился как скальд, стихи которого дошли до нас. Перед началом битвы Гардрада распевал

свои воинственные песни, а потом набрасывался на врагов, сокрушая их направо и налево.

Известно, что Гаральд Гардрада был зятем киевского князя Ярослава Мудрого, мужем его дочери Елизаветы. В молодости Гаральд много скитался по свету и в какой-то момент своей жизни оказался в Киеве. Видимо, он служил некоторое время у князя Ярослава, там увидел его дочь Елизавету и влюбился в нее. Но так как молодой скандинавский ярл не имел тогда определенного положения в жизни, то Ярослав отказал ему в руке дочери, и Гаральд отправился воевать в южные пределы: в Византию, Аравию, к берегам Святой земли. Известна одна из его песен, посвященная княжне Елизавете Ярославне, возможно, не ответившей на его любовь. Вот маленький фрагмент этой песни, перевод которой сделан Батюшковым:

«Железом я ноги мои окрыляю,
И лань упреждаю по звонкому льду;
Я хладную влагу рукой отсекаю,
Как лебедь отважный по морю иду.
А дева русская Гаральда презирает...»

Последняя строчка является рефреном каждого куплета этой длинной и исполненной горечи «авторской песни».

Гаральд Гардрада давно привлекал к себе внимание не только историков, но и поэтов. А.К. Толстой посвятил ему замечательную балладу «Песню о Гаральде и Ярославне», где рассказывается о том, что огорченный отказом Ярослава норвежец оставляет Русь и «плывет он размыкивать горе /туда, где арабы с норманнами бой /ведут на земле и на море». Однако, несмотря на победы и богатую добычу, в мыслях у Гаральда «спокойные воды Днепра, но в сердце княжна Ярославна». Гаральд возвращается в Киев и на вопрос Ярослава, что делал он так долго в чужой земле, отвечает:

«Я, княже, уехал, любовь не стяжав,
Уехал безвестный и бедный,
Но ныне к тебе, государь Ярослав,
Вернулся я в славе победной».

Как известно, Ярослав отдал свою дочь замуж за Гардраду, тем более, что тот к этому времени был избран

королем Норвегии. У Елизаветы и Гаральда было две дочери: Мария и Ингигерда. Кроме того, от норвежской женщины Торы у Гардрады было два сына: Олаф и Магнус.

...Примечательна судьба двух других дочерей Ярослава Мудрого. Его вторая дочь Анна вскоре после отъезда Елизаветы в Норвегию отправилась во Францию, и стала там женой короля Генриха I Капетинга. Ее потомки – известные в истории король Людовик VI, принцы Роберт и Гуго. Еще раньше, пятнадцатилетней девочкой, вышла замуж за венгерского короля младшая дочь Ярослава и Ингигерды (Ирины), Анастасия (Агмунда). Так дочери русского князя связали между собой королевские династии северной, западной и восточной Европы.

...В киевском соборе святой Софии на одном из простенков привлекает к себе внимание замечательная и вполне реалистическая фреска: четыре женщины одна за другой со свечами в руках выходят как бы из тьмы веков: это жена Ярослава Ирина и три их дочери. Предполагают, что существовала также фреска с изображением Ярослава и его сыновей: Всеволода, Святослава, Владимира, Игоря, Изяслава и Вячеслава. Сыном Всеволода был Владимир, в крещении Василий, получивший в истории прозвание Мономаха. Этот русский князь играет особую роль в нашем повествовании, но об этом речь впереди...

Но вернемся к истории Гаральда Гардрады и Елизаветы Ярославны, так как оба они имеют самое непосредственное отношение к судьбе англосаксонского короля Гарольда и его потомков. Осенью 1066 года Гардрада согласился принять участие в походе против своего английского тезки совместно с Тостигом. Вероятно, Гардрада собирался переселиться в Англию, так как взял с собой жену Елизавету, двух своих дочерей и сына Олафа. Младший его сын Магнус остался в Норвегии и выполнял там обязанности конунга. Гаральд также увез с собой свои сокровища, среди которых упоминается громадный слиток золота, поднять который могли лишь 12 дюжих человек.

Начало похода Гаральда сопровождалось дурными предзнаменованиями: явлением кометы, мрачными вещими снами, о которых рассказывают исландские саги, а мы

о них знаем по исторической балладе А.К. Толстого «Три побоища»:

«Воронов черная рать уселася с криком на снасти.
И бабища, будто, на камне сидит,
Считает суда и смеется:
«Плывите, плывите, – она говорит,–
Домой ни одно не вернется...»

Но Гаральд не обращал внимание на приметы, он был совершенно в себе уверен. Отплыв из Бергена в двадцатых числах сентября 1066 года, норвежский флот прибыл на Оркнейские острова. Там Гардрода оставил жену и дочерей, а сам отправился на юг, к устью реки Тайн, где, по-видимому, он соединился с Тостигом. Вначале они захватили город Скарборо, причем подожгли его, кидая горящие головни на крыши домов. Затем союзники спустились еще дальше к югу, вошли в залив Хамбер и далее поплыли по реке Оуз (Уз) до Йорка. Графы Моркар и Эдвин пытались им противостоять, но потерпели поражение, и 24 сентября Йорк был взят.

Весть об этом дошла до Лондона в тот же день, и уже 25 сентября король Гарольд II был под стенами Йорка. Ему удалось собрать значительное войско, хотя для этого пришлось оголить южное побережье Англии. Гарольд рассчитывал внезапным ударом разбить неприятеля на севере Англии и быстро вернуть войска на побережье, где в любой момент можно было ожидать вторжения нормандцев. Первая часть этого плана удалась вполне: Гардрода и Тостиг не ожидали такой быстрой реакции саксонского короля, и тому удалось застать их врасплох. Лишь одно обстоятельство смущало Гарольда: присутствие среди норвежцев его брата Тостига. Поэтому перед тем, как начать военные действия, король Гарольд, опустив забрало, поскакал к лагерю норвежцев и вступил в переговоры с Тостигом. Он предложил ему треть Англии за отказ от борьбы с англосаксами. «А что будет моему союзнику, королю норвежскому?» – спросил Тостиг. – «Ему будет семь футов земли английской, а то и больше - ведь по росту и родству он другим не чета...» – ответил Гарольд. Тостиг с возмущением отказался продолжать беседу, и началось кровопролитное сражение.

В этой битве Гарольд еще раз проявил себя как выдающийся военачальник. Он использовал построение войска клином, протаранил норвежскую оборону и сумел пробиться к ставке неприятеля, где развевалось знамя Гардреды, называвшееся «Опустошитель Земли». Норвежский король участвовал до этого в восемнадцати сражениях и всегда побеждал, но на этот раз удача отвернулась от него. Цитируем дальше «Три побоища»:

«Был целою выше варяг головой,
Чернела как туча кольчуга,
Свистел его в саксах топор боевой,
Как в листьях осенняя вьюга.
Копнами разил он тела на тела,
Кровь до моря с поля струилась, —
Пока, провизжав, не промчалась стрела
И в горло ему не вонзилась...»

Битва при Йорке оказалась для Гардреды роковой, также, как и для саксонца Тостига... Согласно легенде, в момент гибели норвежского короля внезапно умерла одна из его дочерей... Король Гарольд II проявил к норвежцам свойственное ему великодушие: он разрешил им с миром вернуться домой, но из 1000 судов, приплывших к берегам Англии, для возвращения в Скандинавию потребовалось всего 124 судна; на одном из них Елизавета увезла тело своего мужа. Вместе с ней уехали дети Гардреды - Инггерда и Олаф, а также сыновья Тостига - Кетил (Katillum) и Скали (Skulium).

После сраженья началось обязательное в этих случаях пиршество, но Гарольд II недолго праздновал свою победу: неожиданно явился гонец, сообщивший о том, что герцог Вильгельм высадился в Сассексе с таким огромным войском, какого никогда еще не видели на английском побережье.

«Гарольд, без сомнения, надеялся, что ветры, задерживавшие столько времени Вильгельма, еще будут делать свое дело на пользу Англии. Он думал, что вражеский десант задержится до его возвращения на южный берег, но счастье Вильгельма принесло его к английским берегам как раз в самый благоприятный для его цели момент. Немного раньше или немного позже он встретил бы,

по всей вероятности, сильный и весьма успешный отпор. В тот же момент Гарольд располагал значительно меньшими, чем у нормандцев, войсками – многие полегли в битве под Йорком; графы Моркар и Эдвин не прислали подкрепления...» – писал И.М. Ивакин...

Гарольд поспешил в Лондон, и там состоялся совет танов, на котором брат Гарольда Гурт предложил выступить навстречу Вильгельму небольшим отрядом, разорить, сжечь побережье, заманить врагов в глубь опустевшей страны, где трудно будет найти продовольствие и фураж. А Гарольд тем временем смог бы собрать дополнительное войско и разбить нормандцев. Однако король отверг этот план: «Вопрос решен, – сказал он. – Мы идем на врага, и чем бы это не кончилось: торжеством или смертью – но мы грудью преградим нормандским дружинам дорогу внутрь нашего Отечества».

Утром 12 октября, после всего лишь шестидневного пребывания в Лондоне, войска Гарольда выступили на юг...

23 августа, вторник

Это знаменательная для меня дата – день осуществления заветной мечты!

Погода с утра выдалась отличная – теплая, солнечная, и сразу же после занятий в школе мы с Лёней отправились на станцию Сент-Леонардо. Вокзал расположен значительно ниже уровня поверхности окружающей местности, так как электрички через Гастингс проходят большую часть пути под землей. Возможно, это связано с тем, что город располагается на прибрежных холмах. Составы «выныривают» к пассажирским платформам из тоннеля подобно поездам метрополитена.

Нас провожала преподавательница кафедры иностранных языков, она купила нам билеты «туда и обратно», причем Лёне, в соответствии с местной традицией, детский, и мы сели в подошедшую электричку. В вагоне мы оказались одни; это волновало, но вскоре мы успокоились, так как над дверью непрерывно бежала строка: «The train is bound for London. Next stop is Battle»: значит ехать предстояло один перегон. Двери в вагоне открываются по требованию пассажиров, и как только поезд затормозил возле

пустынной платформы с кружевным мостиком над путями, мы нажали на кнопку связи с машинистом и благополучно выгрузились на перрон станции Battle, имевшей вполне патриархальный вид – нечто вроде подмосковной дачной остановки.

Мы вышли на привокзальную площадь и почти тот час же увидели сложенные из красного кирпича стены аббатства Бэттл – Battle Abbey. Следуя этому ориентиру, мы вскоре оказались у входа в музей-заповедник: красивого здания в классическом стиле с двумя величественными башнями. Этот архитектурный ансамбль был создан в XVIII веке, хотя само аббатство было основано в XI веке Вильгельмом Завоевателем на том месте, где пал король Гарольд; позже, в XI-XVI вв., Battle Abbey отстраивали его преемники, в частности, его сын Вильгельм Рыжий. Как и другие монастыри Англии, аббатство развивалось, обустроивалось и украшалось до 1532 года, а затем король Генрих VIII (о этот злодей!) в процессе реформации разогнал монахов и завладел всеми богатствами обители..

...При входе мы купили билеты со скидками, положенными нам по законам милой приветливой Англии, и получили портативные магнитофоны (радиоиды): я – немецкий, Лёня – английский. Затем мы пересекли небольшой внутренний дворик и оказались среди впечатляющих развалин некогда величественных зданий.

Чарльз Диккенс в упомянутой уже не раз «Истории Англии для детей» писал, что аббатство Бэттл «сохраняло свое величие во время многих смут, хотя теперь от него остались одни серые руины, увитые плющом». Впрочем, и сейчас незабываемое впечатление производят развалины сводчатых галерей, залов, трапезных и других покоев покинутого монастыря. Для сведения посетителей на стенах вывешены щиты с рисунками – реконструкцией внутренних помещений, схемами и описаниями.

Но вот мы вышли на яркий солнечный свет из сводчатых галерей и, стоя к ним спиной, увидели знаменитое поле битвы – Battlefield, которое представляет собой как бы вогнутую чашу со слегка приподнятыми краями. Кое где видны небольшие полосы леса, что может создавать условия для стратегических маневров: внезапной атаки передовых отрядов или, наоборот, для прикрытия резервов.

Железнодорожная станция Battle

Фото Л. Казанкова

Вход в аббатство Бэтл

В аббатстве Бэтл

Фото Л. Казанкова

Наиболее возвышенное место, хорошо видимое на противоположной стороне поля, носит название Сангелейк-хилл (Sangelake-hill) – Холм Кровавого озера. Прежде вся эта местность называлась Сангелейк (или Сенлак). По преданию, герцог Вильгельм, услышав это, воскликнул: «Сангелейк – Кровавое озеро! Это чрезвычайно верное название! И звучит оно зловеще. Мы прольем здесь не озеро, а целые реки крови!»

Сейчас по левому краю поля проложен пешеходный маршрут – тропа, вдоль которой на небольшом расстоянии друг от друга (примерно через 150 м) установлены доски длиной 1 м и шириной 0,8 м. На этих досках на трех языках (английском, немецком, французском) последовательно дается описание этапов сражения и приводятся соответствующие рисунки. Слева на этих досках нарисованы фигуры нормандских и саксонских воинов.

...Вслед за другими посетителями мемориала Battlefield мы двинулись вдоль информационных щитов, мысленно погружаясь в атмосферу битвы, которая произошла здесь в 1066 году...

...Утром 14 сентября оба войска выстроились боевым порядком. Англосаксы расположились на том месте, где сейчас находится аббатство. У саксонцев было меньше ратников, чем у нормандцев: ведь они только что выиграли битву около города Йорка и понесли там большие потери. Однако они защищали свою родину и были полны решимости победить врага. Англосаксонские воины были более рослыми и сильными, чем нормандцы, но вооружены они были гораздо хуже своих противников.

Только ядро войска Гарольда, воины королевской дружины, имели для защиты от неприятеля шлемы, кольчуги, щиты, а для нападения – мечи, копья и тяжелые топоры, так называемые оскорды. Большая же часть саксонцев владела только тяжелыми палицами и дротиками; у некоторых на вооружении были простые вилы и рогатины, а то и совершенно первобытные орудия – каменные молоты и топоры. Малочисленным был также отряд лучников.

Однако Гарольд сумел хорошо распорядиться своими ресурсами. Он разделил свое войско на две рати: одна стояла перед вырытыми за ночь окопами, другая – за ними.

Поле битвы при Гастингсе

Фото Л. Казанкова

Поле битвы при Гастингсе. Пешеходный маршрут на Battlefield.

Во главе первой группы находился сам Гарольд под знаменем-хоругвью с изображением белого коня. Этот отряд был построен уже не раз оправдавшим себя в сражениях англодатским клином. Воины в первых рядах треугольника были одеты в тяжелые панцири и вооружены огромными секирами. За этими рядами в середине клина находились стрелки из лука, прикрываемые внешними тяжеловооруженными рядами. При наступательных маневрах клин был обращен к неприятелю своим острием, при обороне – одной из своих сторон.

Вторая рать саксонцев находилась в укреплении, образованном рвами и довольно высокими плетнями из ивовых прутьев, в которых было только три прохода, оставленные для вылазок передовых отрядов. Малочисленная в сравнении с нормандской конница была весьма искусно замаскирована среди лесистых участков поля так, что она могла тревожить грозного неприятеля, налетая на него, но не вступая с ним в битву.

Войско нормандцев расположилось на противоположном краю поля, на Холме Кровавого озера. Средневековые хроники сильно преувеличивают численность армии Вильгельма, однако, по современным данным, в состав его войска входили 4000 пехотинцев, 2000 кавалеристов и 1500 стрелков из лука, что, конечно, совсем не мало...

Вильгельм разделил свою рать на три больших отряда, включавших в себя хорошо вооруженных пеших воинов и многочисленную конницу. Все всадники были в кольчугах, которые в то время изготовлялись из металлических пластинок, нашитых на холст или сукно; настоящие доспехи появились много позже, во времена крестовых походов... Конники были вооружены дротиками и имели продолговатые щиты с изображениями меча или дракона. Стрелки же были экипированы легче и вооружены луками и стрелами.

Особенное значение придавалось третьему отряду так как ему отводилась роль резерва. Во главе этой части войска стоял сам Вильгельм, окружённый представителями знаменитейших рыцарских родов Нормандии; здесь же находилась главная часть нормандской конницы. Вильгельм был прекрасным полководцем, и его тактика осно-

вывалась на превосходящей силе, быстроте маневров, а также на создании мощного войскового резерва, который в критический момент наносил удар по неприятельской армии.

...Около девяти часов утра над боевыми рядами нормандцев загремел боевой клич: «С нами Бог!» – Саксонцы ответили своим кличем «Крест Господень! Святой Крест!» – И тут же Вильгельм во главе своего первого отряда ринулся на англичан: началась первая атака нормандцев. Гарольд тут же очутился во главе передового отряда, построенного клином. По его приказанию все воины первого ряда опустили на колени и, держа перед собой щиты, дротиками разили коней противника. В то же время бойцы второго ряда, наклонившись вперед, поражали нормандских конников боевыми палицами, а стрелки, находившиеся в середине клина, обстреливали врагов тучами стрел. Попытки нападающих зайти в тыл англосаксов были тщетны: всюду их встречала стена щитов, разящие секиры и дротики..

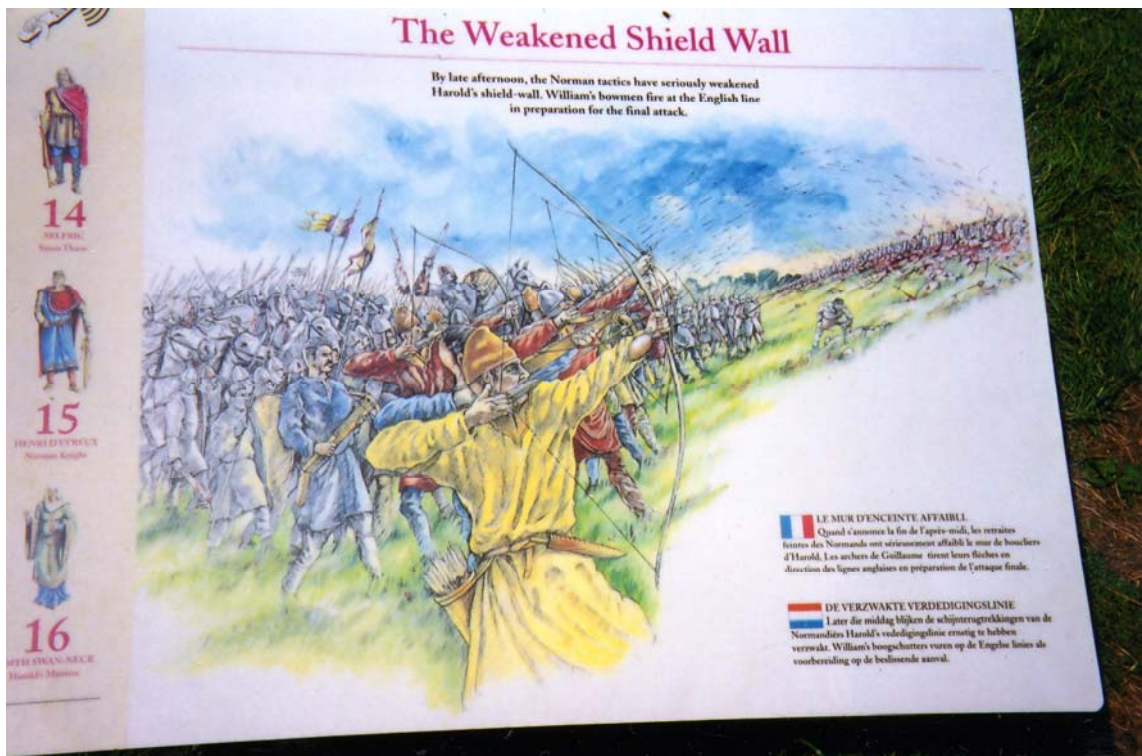
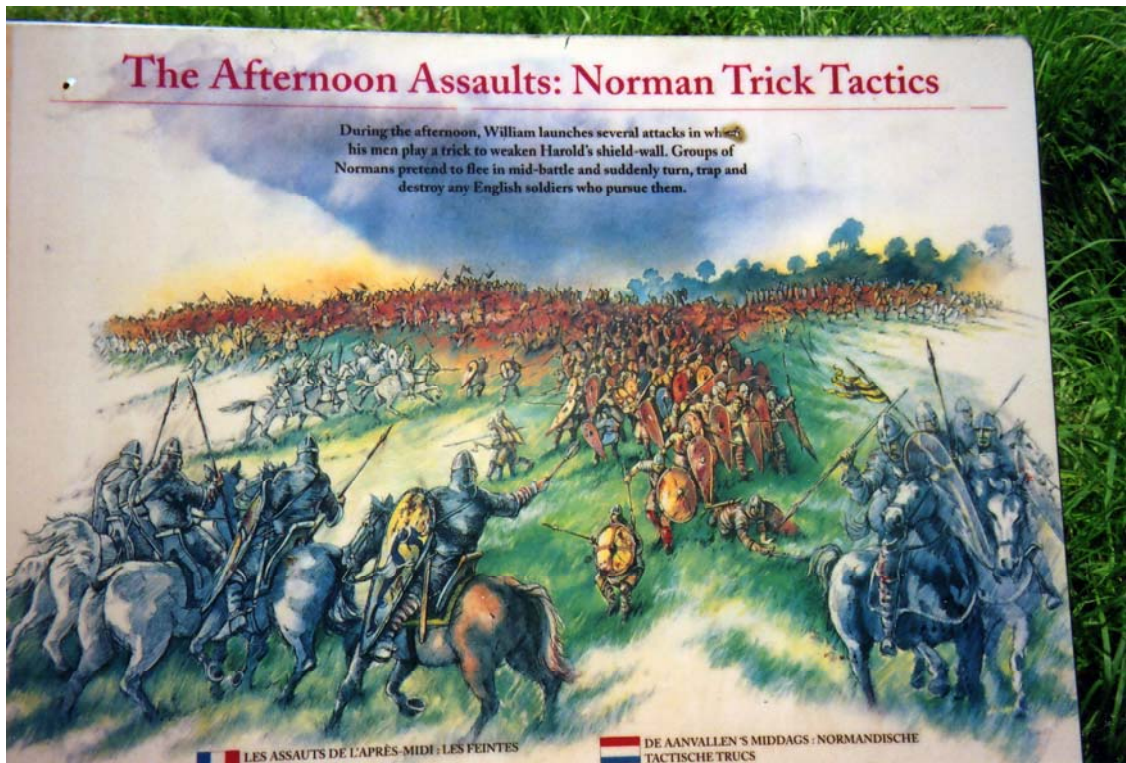
Вильгельм оказался в гуще боя, его окружили англичане, конь его был смертельно ранен. В какой-то момент герцог оказался в тисках неприятеля, из которых он с трудом вырвался и на предоставленном ему коне одного из приближенных поскакал к своему войску. За ним в беспорядке неслась его конница. При этом даже распространился слух, что Вильгельм убит, но герцог снял шлем, чтобы все могли видеть его лицо, и проскакал вдоль строя, ободряя своих воинов.

В то же время передовой отряд Гарольда, воодушевленный тем, что первая атака неприятеля была успешно отбита, устремился вслед за врагами. Но нормандская конница уже повернула назад, отрезала преследовавших ее англосаксов от остального войска и почти полностью их уничтожила.

Затем последовали новые атаки нормандцев, однако, несмотря на их численное превосходство, сражение шло с переменным успехом, и войско Вильгельма, рассчитывавшее на быструю победу, было этим даже в какой-то степени деморализовано. Тогда нормандский герцог привёл в исполнение заранее придуманную хитрость. Его конница

Карта военных действий при англо-нормандском противостоянии. Места сражений отмечены скрещенными шпагами

Информационные доски на Battlefield

Фото Л.Казанкова

напала на авангард саксонского войска, но получила отпор и обратилась в притворное бегство. Англосаксы бросились преследовать противника, и тогда отборный отряд нормандцев окружил преследователей и начал их избивать. Среди попавших в ловушку были братья Гарольда – Гурт и Леовфайн. Увидев их бедственное положение, Гарольд собрал 500 воинов и ударил в тыл нормандского отряда. Благодаря этой отчаянной вылазке значительная часть отряда саксонцев была спасена.

К полудню на поле сражения наступило временное затишье. Англосаксы не могли предпринять каких-либо активных действий: их было слишком мало, и они были полностью блокированы вражескими отрядами. Но и нормандцы были далеки от окончательной победы... Вильгельм отвел свои войска на исходные позиции...

Однако во второй половине дня нормандцы усилили свой натиск: они предприняли несколько атак и заняли передовые окопы саксонцев, которые были вырыты в три ряда. Но по-прежнему гордо развевалось знамя Гарольда за высоким плетнем из ивовых прутьев. На саксонцев градом сыпались нормандские стрелы, но герцог Вильгельм заметил, что они большей частью втыкаются в плетень, не причиняя вреда противникам. Тогда Вильгельм вызвал трех стрелецких начальников и сказал им: «Стреляйте вверх, и пусть стрелы падают на саксонцев сверху, как месть духов – прямо с неба!» Он сам, натянув лук, пустил стрелу вверх, и она опустилась в самую середину запасного полка саксонцев вблизи их знамени.

Начался навесной обстрел оставшегося войска саксонцев. Железный дождь посыпался на их головы, пробивая их кожаные шапки и железные шлемы. А когда воины пытались взглянуть вверх, чтобы обнаружить причину нового бедствия, стрелы поражали их лица. Одним из первых пострадал от навесного обстрела король Гарольд: вражеская стрела пронзила его глаз, и эта рана оказалась смертельной.

Смерть короля англосаксов предопределила исход сражения. Дружный напор нормандской конницы окончательно сломил сопротивление саксонского войска. Последними защитниками знамени Гарольда были его братья Гурт

и Леофвайн, проявлявшие чудеса доблести и отваги, но и они пали смертью храбрых... Так на поле битвы при Гастингсе погибли три сына Годвина, а также его внук Хакон. Этот юноша был верным оруженосцем Гарольда, все время находился при нем и на последнем этапе боя пытался своим телом защитить от обстрела смертельно раненного короля... Из всех братьев Гарольда остался в живых только Вольфнот, который не пожелал вернуться в Англию и в этот роковой день был вдалеке от родины.

Сражение закончилось полным разгромом англосаксов, но следует отметить, что на поле брани встретились достойные друг друга противники. «Когда подумаешь, что в тот день и король, и герцог были, в сущности, в одних и тех же условиях, оба сражались, не жалея себя, и одинаково подвергались опасности, то невольно приходит на мысль, что благосклонная к нормандцам судьба к англичанам была беспощадна. Она сразила не Вильгельма, а Гарольда, и этот роковой удар был завершительным в цепи благоприятствовавших нормандскому завоеванию обстоятельств... В дальнейшем не нашлось никого, кто сумел бы заменить Гарольда, вдохнуть народу единодушие и дать успешный отпор чужеземцам. Участь Англии была решена», – писал М.И. Ивакин.

...Сгустились сумерки, и Вильгельм начал праздновать свою победу. А на поле боя пришли женщины: матери, жены, сестры погибших бойцов. Среди них была возлюбленная короля Гарольда – Эдит по прозвищу Лебединая шея. Упоминание о ней встречается в одной из хроник XI века, автор которой сообщает, что по просьбе матери Гарольда тело убитого короля разыскивали на поле боя Айльрик и Остгут – иноки из основанного Гарольдом монастыря в Вальтгэме (Waltham).

Однако посланные не смогли опознать останки Гарольда, так как его лицо было обезображено попавшей в глаз стрелой. Далее хронист пишет: «Не надеясь успеть в своих розысках, они обратились к женщине, которую любил Гарольд еще прежде, нежели был выбран королем, и просили ее принять участие в их печальном деле. Имя ее было Эдифь (Эдит), ее прозывали Красавица Лебединая Шея. Она согласилась пойти вместе с монахами и нашла тело

любимого человека». Вот как написал об этом Гейне в балладе «Поле битвы при Гастингсе»:

«...Долго бродила среди бойцов
Эдит Лебязья Шея,
И, отгоняя воронье, монахи шли за нею.
Так целый день бродили они,
И вечер приближался,
Как вдруг в вечерней тишине
Ужасный крик раздался.
Эдит Лебязья Шея нашла того, кого искала.
Склонясь без слов и без слез, она
К лицу его припала...»

Далее события развивались следующим образом:

«Монахи носилки сплели из ветвей,
Тихонько шепча молитвы,
И прочь понесли своего короля
С ужасного поля битвы.
Они к Вальдгэму его несли,
Спускалась ночь, чернея,
И шла за гробом своей любви
Эдит Лебязья Шея...»

«Лебединая шея» – это метафора, которая существует во многих языках мира, и, кажется, все себе приблизительно представляют, что это такое. У Гейне читаем: «Лебязьей Шеей звалась она за то, что клонила шею всегда, как лебедь...» Замечательное определение этого элемента женской красоты дается в романе «Вот идёт Мессия» современной писательницы Дины Рубиной: «Сидела женщина и вправду с очень красивой шеей. Собственно даже не в шее было дело, а в той особенной посадке головы, в некоем трепетном повороте, пленительном наклоне, кивке, – то самое виртуозное «чуть-чуть» в искусстве природы... Эта шея трогательной красоты и стати и ладно посаженная на ней головка» создают облик красавицы, пронесенный через многие столетия.

...Сгущались сумерки над полем сражения, и все дальше уходила вслед за монахами возлюбленная короля Гарольда, унося с собой загадку своего происхождения,

своей личности, своей жизни... Судя по историческим материалам, прекрасная Эдит, несомненно, существовала, однако сведения о ней весьма недостоверны и противоречивы.

Эдвард Фримен полагал, что Эдит Лебединая Шея была одной из знатных и богатых жительниц Англии саксонского происхождения. Об этом свидетельствует также ее прозвание: в тексте процитированной выше хроники XI века она названа «Swannehals», а несколько измененное слово «Schwannehals» и на современном немецком языке означает «Лебединая Шея». Интересно, что в тексте упомянутой выше хроники прозвание Эдит затем дублируется на латыни: «Collym Cygnus»... Однако каких-либо более конкретных сведений Фримен в своем исследовании не приводит.

Лорд Литтон дает свою версию происхождения возлюбленной короля Гарольда. Как известно, Литтон был и писателем, и историком, при этом, насколько можно судить по тексту его романа, он не выходил за рамки летописных материалов. В своем повествовании он строго следует англосаксонским и нормандским хроникам, так что и в вопросе о происхождении Эдит Лебяжьей Шеи ему, кажется, можно доверять. Кроме того, писатель, возможно, располагал какими-то эксклюзивными источниками информации...

Литтон утверждал, что Эдит по линии отца, мерсийского тана Этельвульфа, происходила от королей Нортумбрии и Мерсии. Со стороны матери она принадлежала к датскому королевскому роду: ее бабка по имени Хильда, известная в народе прорицательница, была двоюродной сестрой Гиты, матери Гарольда. Таким образом, король Гарольд приходился красавице Эдит двоюродным дядей. Вследствие такого довольно близкого родства они не могли пожениться, хотя любовь их была многолетней и, что называется, до гроба.

Противоречивы также сведения о возрасте Эдит и ее подлинном месте в жизни Гарольда. В романе Литтона мы видим ее совсем юной девушкой, которую связывало с Гарольдом очень сильное, но платоническое чувство.

Иная точка зрения представлена у Гейне. Он описывает Эдит как прежнюю возлюбленную Гарольда: «Ее он

любил, лелеял, ласкал, потом забыл, покинул...» Шестнадцать лет Эдит жила одна в ветхой хижине среди лесов. За это время она успела состариться, и когда Лебязья Шея шла вслед за монахами на поле боя, «неистовый ветер ночной играл ее волосами седыми».

Что ж, королю Гарольду в момент его гибели было сорок четыре года; если Эдит была его сверстницей, то во времена раннего средневековья женщина такого возраста уже не могла считаться молодой... Так что, возможно, Гейне был прав.

Однако в его балладе есть одна явная неточность. Поэт утверждал, что монахи унесли тело короля в Вальдгэм, а между тем известно, что герцог Вильгельм не отдал Эдит останки ее возлюбленного. Он считал Гарольда клятвопреступником и поэтому не разрешил похоронить короля англосаксов в святой обители, а распорядился предать его тело земле на берегу моря: «Пусть после смерти он охраняет берег, который при жизни защищал так отчаянно. Пусть волны морские вечно поют ему похоронную песнь и омывают его могилу, между тем, как дух его будет витать над землей, перешедшей теперь к нормандцам...»

В ознаменовании своей победы Вильгельм приказал заложить на месте битвы храм или аббатство. А там, где был убит король Гарольд, монахи-саксонцы в 1094 году возвели церковь, простоявшую до 1538 года. Сейчас на месте этого храма лежит мемориальная плита.

Место же подлинного погребения Гарольда неизвестно: видимо, король похоронен в безымянной могиле на берегу Ла-Манша. Существовавшее же долгое время в Вальдгэмской обители надгробие с надписью «Harold Infelix» – «Гарольд Несчастный» – имело чисто символический характер.

Исчезла и Эдит Лебязья Шея... Существует преданье, что она умерла от горя и была похоронена вместе с королем Гарольдом... И народ хранит память о его верной возлюбленной... На информационных досках, установленных на Battlefield, среди изображений участников сражения – саксонских и нормандских воинов – можно видеть фигуру женщины, закутанной в длинное покрывало. Подпись внизу под рисунком: «Edith Swan-Neck. Mistress of Harold»...

...Как восприняли англосаксы смерть Гарольда? Хроники тех далеких времен свидетельствуют о том, что страна горевала о своем короле. Вот подлинный текст одной из этих хроник: «Англия, что скажу тебе? Что расскажу я следующим поколениям? Что ты лишилась своего народного короля и подпала под власть чужеземца, что твои дети погибли, что твои советники и правители побеждены, ограблены, умерщвлены...»

Но события продолжали развиваться своим чередом. Вскоре после разгрома армии Гарольда был захвачен Лондон, и в конце того же 1066 года, на самое Рождество, Вильгельм был провозглашен новым королем Англии...

...Мы прошли по полю исторической битвы и оказались на Холме Кровавого озера, где была во время сражения ставка Вильгельма. Сейчас тут тишина и покой, только ветерок слегка колышет сухую траву... На заднем плане панорамы обращают на себя внимание довольно густые заросли каких-то кустарников, а между ними что-то блестит... Озеро! Вернее, небольшой заиленный водоем... Лёня его сфотографировал, а когда были напечатаны снимки, мы увидели, что озеро имеет слегка розоватую окраску. Видимо, красноватый, «кровавый» оттенок воде придают обитатели пруда: какие-нибудь водоросли или микроорганизмы – отсюда и его название...

...Мы постояли возле Кровавого озера, помолчали, подумали о своем... Я бывала раньше на Куликовом поле, на поле Бородинского сражения, а также там, где шли бои во время Великой Отечественной войны. И я знаю, что пребывание в тех местах, где происходили кровавые битвы, создает какое-то особое эгегическое настроение. «Зачем же, поле, смолкло ты и поросло травой забвенья?»... Проникновенные слова Пушкина берегут сердце, будят невеселые мысли В самом деле, сколько жизней здесь оборвалось, какие драмы разыгрывались в преддверии битвы и после нее... Невольно задумываешься о том, не напрасно ли были принесены такие огромные жертвы, и вообще, какие последствия имело это сражение... Мнения историков однозначны: битва при Гастингсе имела для Англии поистине судьбоносное значение...

Холм Кровавого озера

Кровавое озеро

Фото Л. Казанкова

После победы над Гарольдом нормандцам понадобилось еще около четырех лет, чтобы довершить завоевание страны. Вильгельм постепенно подчинял себе земли местных феодалов, раздавал их владения и замки собственным вельможам и нормандским рыцарям; он повсеместно вводил нормандский язык и нормандские обычаи. И хотя его новые подданные – англосаксы – еще долго хранили угрюмую ненависть к своим завоевателям (вспомним роман Вальтера Скотта «Айвенго»), взаимопроникновение и постепенное слияние языков, обычаев, культур продолжалось, и это, в конце концов, привело к появлению на Британских островах народа, называемого англичанами. Процесс этот был особенно продуктивен потому, что и англосаксы, и нормандцы этнически очень близки – и те, и другие являются потомками германских народов, выходцев из Германии и Скандинавии...

Со времени сражения при Гастингсе началась новая история Англии. На престоле утвердилась Нормандская королевская семья, от которой ведется отсчет династий, правящих Великобританией до настоящего времени. Первым королем в этом ряду был Вильгельм Завоеватель, коронованный в декабре 1066 года под именем Вильяма I. После смерти этого монарха в 1087 году развернулась борьба за власть между его потомками: у Вильгельма было четыре сына, несколько дочерей, много внуков. Один из сыновей, Ричард, рано умер. Другой сын, прозванный за свою приземистость и непропорциональное сложение Робертом Короткие Штаны (Robert Curthose), враждовал с Вильгельмом и был им изгнан. Впрочем, по завещанию отца он получил в управление Нормандское герцогство, а на Английский престол взошел третий сын Завоевателя – Вильгельм Рыжий (Вильям II), который при невыясненных обстоятельствах был убит на охоте в 1100 году.

После его гибели королем стал младший из четырех сыновей Вильгельма – Генрих I Боклерк (Ученый), который вопреки своему прозвищу проявлял не столько ученость, сколько жестокость. Это подтверждает, в частности, его отношение к старшему брату Роберту, которого он в конце концов заточил в отдаленный монастырь, где тот и умер. Но судьба сурово покарала короля Генриха I: его сын и на-

следник, названный в честь деда Вильгельмом, трагически погиб – утонул в Ла-Манше во время свадебного путешествия вместе с молодой женой и сестрой...

После смерти Генриха I началась длительная борьба за английскую корону между его потомками и детьми дочери Вильгельма Адели, которая некогда предназначалась в жены Гарольду. Вначале победил сын Адели Стефан, а после его смерти на престоле утвердился внук Генриха I, также Генрих – сын его дочери Матильды и графа Жоффруа Анжуйского Плантагенета. В гербе французского рода Анжу была ветка дрока (по-французски, *genête*) – кустарника с желтыми цветками. Это растение и дало название королевской династии Плантагенетов, которая правила Англией до 1484 года.

Таким образом, потомки Вильгельма Завоевателя владели тронном Англии более четырехсот лет, пока их не сменили представители династии Тюдоров, генетически не связанные с нормандцами.

...По лесистой тропинке мы возвратились к началу пешеходного маршрута; посмотрели видеофильм о битве нормандцев и англосаксов, а также побывали в музее, где экспонируются боевые доспехи воинов, их оружие. Особенно меня заинтересовали увеличенные фотографии фрагментов знаменитого «Гобелена из Байё (Bayeux)», исполненного под руководством и при участии Матильды Фландрской, жены Вильгельма. Эта женщина известна в истории средневековья как замечательная рукодельница. Провожая в поход своего мужа осенью 1066 года, она дала обет запечатлеть события, связанные с англо-нормандской эпопеей, и с помощью придворных дам, а также, вероятно, многочисленных ткачей создала уникальный гобелен, который сохранился до наших дней и сейчас экспонируется во Франции. Вернувшись в Москву, я нашла в Интернете «Гобелен из Байё» и была поражена его масштабами, художественными достоинствами, а также достоверной информацией о событиях, связанных с завоеванием Англии нормандцами.

Гобелен имеет в длину 70 м, ширина его полотна 50 см. По всей длине непрерывной цепочкой вытканы сцены борьбы нормандцев и англосаксов за британскую королевскую корону.

Сверху и снизу гобелен обрамлен каймой-орнаментом; ниже верхней каймы идет латинский текст, поясняющий содержание представленных событий.

Один из первых сюжетов – король Англии Эдуард восседает на троне, а Гарольд, названный «герцогом англичан (англосаксов)», отправляется с большим отрядом воинов на охоту. Далее мы видим, как Гарольд совершает путешествие по морю, но попадает в плен к графу Гюи. Об этом извещают Вильгельма, и Гарольда доставляют к нормандскому герцогу... Изумительно вытканы картины похода Вильгельма и Гарольда на Бретань: переправа войска через зыбучие пески, победа над бретонцами... Последующая часть гобелена представляет нам клятву Гарольда над ковчегом с мощами святых и его возвращение на родину. И вот снова Англия: умирает король Эдуард, его останки переносят в собор св. Петра (Вестминстерское аббатство), и там же происходит коронация Гарольда.

...Далее выткано, как Вильгельм создает флот, чтобы напасть на Англию: люди рубят деревья, строят и оснащают корабли, переносят на них оружие, везут на телегах продовольствие. И вот уже многочисленные суда плывут по Английскому Каналу (Ла-Маншу)... Следующие эпизоды: нормандцы высаживаются в Певенси, выводят конницу на берег, выгружают провиант, тут же в походных условиях готовят мясо и кормят ратников. Но Вильгельм уже думает о предстоящих сражениях: он совещается со своими ближайшими помощниками – братьями Робертом и епископом Одо – и приказывает начать строительство укреплений.

Затем нормандцы через Гастингс направляются на поле битвы с англосаксами... Следуют художественно выполненные батальные сцены. Особенно поражает, как мастерски выткана на гобелене конница, как динамичны фигуры нормандских воинов в доспехах и при полном вооружении. Даже знаменитые лучники, решившие исход сражения, показаны на полотне этого замечательного произведения... Войско же англосаксов представлено более скромно: это, в основном, слабо вооруженные пехотинцы... Но вот гибнут Гарольд и его братья. Остатки англосаксонского войска обращаются в бегство...

Кажется, что если бы не существовало нормандских и англосаксонских хроник, по одному только этому гобелену можно

Король Гарольд дает клятву в Руане

Коронация короля Гарольда

Фрагменты гобелена из Байё

Флот Вильгельма плывет к берегам Англии

Гибель короля Гарольда

Фрагменты гобелена из Байё

было бы воссоздать полную картину противостояния англосаксов и нормандцев в 1066 году...

Под большим впечатлением от всего увиденного мы возвратились к административному зданию, где отдали радиогиды и приобрели красочный проспект «The Battle of Hastings and the story of Battle Abbey». На выходе мы поговорили с местными консультантами: я представилась и отдала им свою статью с написанным накануне резюме на английском языке, а затем кратко изложила ее содержание. Однако мое эмоциональное, хотя и не слишком толковое объяснение не произвело на наших собеседников впечатления. Тогда выступил Лёня: «My grandmother says...» – Но и его пояснения ничего, кроме удивления, не вызвали.

По-видимому, мы имели дело не с научными консультантами, а с обычными служащими, продавцами сувениров. Они нам посоветовали побывать в Лондоне в головном офисе музея-заповедника и даже написали на бумажке адрес этого учреждения. Однако мы все равно не сумели бы туда съездить, так как через день должны были возвращаться в Москву...

В городке Бэттл мы еще немного погуляли, угостились мороженым, которое, как я успела заметить, в Англии очень вкусное и относительно недорогое. А потом сели на электричку и отправились в обратный путь. Правда, тут не обошлось без приключений: мы проехали нашу станцию Сент-Леонардо и оказались на конечной станции, которая называется Hastings, что меня, собственно, и смутило. Но мы тут же перебежали на противоположный край платформы и через пять минут оказались «дома».

В этот день мы обедали вдвоем: наши мальчики уехали самостоятельно в Лондон и вернулись только в девять часов вечера, чем вызвали недовольство мистера Конвея. А вечером нам удалось разрешить еще одну загадку: мы нашли то место, где находилось Вальдгэмское аббатство, куда, согласно балладе Гейне, монахи собирались отнести тело убитого короля. Случайно у меня оказался проспект экскурсий по историческим замкам южной Англии – «Английское наследие», и там я увидела объект под названием «Дворец Вальдгэмского епископа». На фотографии видны руины древней стены, которая, возможно, хранит материальную память о короле Гарольде и его времени, хотя позднее на

этом месте было основано другое духовное учреждение – епископат. По карте видно, что Вальдгэм находится очень далеко от Бэттла, видимо, между ними больше 50 км, так что экспедиция монахов, если бы она и была разрешена Вильгельмом, оказалась бы весьма затруднительной...

Небольшое примечание: поскольку здесь цитируется баллада Гейне, то нами принята транскрипция названия аббатства Waltham в соответствии с переводом А.Блока и Е. Книпович.

24 августа, среда

Этот день оказался совершенно свободным: в школе отменили занятия, и мы с Лёней пошли в город, чтобы купить всем маленькие сувениры. Утро было ветреным, накрапывал дождик, но ближе к полудню поднялась настоящая буря, и нам пришлось укрыться от непогоды в громадном двухэтажном магазине типа пассажа. Мы вначале покупали там какие-то пустяки в подарок близким, а потом забрели в книжный отсек магазина. Сначала мы осмотрели то, что было выставлено на первом этаже: художественная и популярная литература, детские издания – а потом поднялись на второй этаж, где продавались книги по различным отраслям науки и техники, учебники, художественные альбомы.

Посредине торгового помещения стояли столы и стулья, так что можно было взять с книжной полки любую книгу или альбом и, удобно усевшись, просмотреть заинтересовавшее вас издание. Выходить на улицу под дождь не хотелось, поэтому мы причалили в этой спокойной гавани. Лёня взял книгу о японских ниндзя, а я – двухтомник по истории Англии: прекрасное, хорошо иллюстрированное издание. Мне было очень жаль, что я не имела возможности купить эти книги...

Я внимательно проштудировала интересующий меня раздел – конец саксонского периода Англии, но не нашла там для себя ничего нового. Банальное изложение истории битвы при Гастингсе, и ни слова о потомках короля Гарольда и его братьев. А ведь они не только существовали, но и сыграли свою роль в мировой истории...

...Прошло два года после битвы при Гастингсе, и в хронике 1068 года, написанной Флоренцом Уорчестерским,

появляется первое упоминание о детях Гарольда: сообщается о том, что после гибели короля его мать и пятеро детей покинули Лондон... Называются имена его сыновей: Годвин, Эдмунд и Магнус. Имена дочерей: Гунхильда и Гита – названы несколько позже, в хрониках XIV века, компилированных, по-видимому, из более ранних источников. О матери этих детей нет никаких упоминаний, но вряд ли ею была простолюдинка: дети короля Гарольда жили во дворце и воспитывались его родственницами.

Эту загадку истории попытался решить Эдвард Фримен. Вот что он пишет: «...Некоторые предполагают существование какого-то предшествующего брака Гарольда (имеется в виду брак до женитьбы на Эльдите Мерсийской – Н.М.), от которого он имел детей, но это мнение не может служить источником достоверных сведений... Мы ничего не слышали о какой-либо прежней жене Гарольда...» Поэтому, продолжает далее Фримен, «легко может показаться, что потомки Гарольда были детьми Эдифи (Эдит Лебяжьей Шеи - Н.М.)».

Это предположение представляется весьма вероятным. Известно, что Гарольда и его возлюбленную связывало большое чувство, и хотя они вследствие своего близкого родства не могли пожениться, это не могло помешать появлению на свет их детей, которых, впрочем, официально признать было невозможно. По мнению Фримена, доказательством незаконного происхождения потомков Гарольда служит тот факт, что они не упоминаются ни в одной из его прижизненных хроник. В 1066 году дети короля Гарольда, видимо, были еще малы, так как сыновья его не участвовали в военных действиях – значит даже старшему из них было меньше шестнадцати лет... Вообще, сведения о потомках короля Гарольда весьма скудны: «Английские и нормандские летописцы этой смутной поры наблюдали столь важные перемены в жизни Британии, принуждены были следить за столькими событиями первостепенного исторического значения, что судьба потомства последнего англосаксонского короля лишь глухо отразилась в их писаниях», – это слова академика М.П.Алексеева.

Известно, что после того, как Вильгельм захватил Лондон и Винчестер, сестра Гарольда удалилась в мона-

стырь; там она и скончалась в 1076 году. Мать же и дети короля бежали на запад, где Годвинсоны имели в собственности обширные владения. Там же, в западных графствах, была предпринята попытка организовать отпор нормандцам. Центром патриотического движения и местом пребывания королевской семьи стал город Эксетер (Exeter). В этом городе Гита и ее внуки прожили около двух лет.

В 1068 году Эксетер был осажден войсками Вильгельма. Город был хорошо укреплен, взять его «в лоб» не удалось, поэтому нормандцы сделали подкоп, в результате которого часть стены рухнула. Осажденные, желая избежать всех ужасов штурма, сдались на милость победителей.

«Гита, – пишет Фримен, имея в виду мать Гарольда, – покинула город ранее, чем отворили ворота. Бежать было нетрудно, так как Вильгельм не привел кораблей, чтобы напасть на Эксетер с моря. С ближайшими спутниками... она либо обогнула мыс Лэндсэнд («Конец земли»), либо прошла другой стороной до реки Соммерсет. Она нашла приют на одном из тех двух островов в Бристольском канале, ... которые можно видеть даже с отдаленных холмов Глостершира». Оттуда через какое-то время несчастная королева, потерявшая в 1066 году сразу почти всех своих детей, переместилась на континент – во Фландрию, где правил ее свойственник Балдуин V, тесть Тостига, погибшего при Йорке.

Сыновья Гарольда отправились в Ирландию, где король Диармейт (Diarmait) оказал им поддержку и помощь. Вскоре эти юноши, видимо, достигшие возраста воинов, но еще не утратившие детского легкомыслия, снарядили флот из 52 кораблей и весной 1068 года вторглись в пределы Англии. Этот рейд носил характер грабежа, так как нормандцев на западном побережье страны не оказалось, но в июне того же года, во время второго похода, старшие сыновья Гарольда: Годвин и Эдмунд – потерпели серьезное поражение, и только наступившая ночь спасла их от бесславной гибели. Однако братья на этом не успокоились и в 1074 году предприняли еще одну безуспешную попытку реставрации английской короны, после чего их след в истории окончательно затерялся. О Магнусе, младшем из братьев, есть сообщение, что он участвовал в первом ан-

тинормандском походе, но был тяжело ранен и впоследствии жил на родине Годвина – в Сассексе, где и умер.

Упомянем здесь также о судьбе сыновей короля Гарольда от его жены Эльдиты Мерсийской. Эгих мальчиков-близнецов звали Гарольд и Вульф, и родились они уже после смерти отца, в 1067 году в Честере, куда Эльдита уехала после битвы при Гастингсе. Там, в Честере, во владеньях своих братьев Моркара и Эдвина, Эльдита жила некоторое время. Но зимой 1069-70 гг. Вильгельм окончательно подчинил себе области центральной Англии, и Эльдита бежала в Дублин с одним из сыновей – маленьким Гарольдом; больше о них нет никаких сведений.

Второй же мальчик – Вульф – был схвачен нормандцами и заточен в тюрьму; предполагают даже, что его выдали врагам родные дяди – братья Эльдиты. В заточении Вульф оставался до самой смерти Вильгельма Завоевателя, то есть до 1087 года. Но старший сын Вильгельма – Роберт Короткие Штаны вернул Вульфу свободу и даже посвятил его в рыцари. Есть сведения о том, что Вульф Гарольдсон был участником первого крестового похода (1096 г.), одним из организаторов которого был вышеупомянутый Роберт, в то время герцог Нормандии.

Дочери Гарольда вместе с бабушкой переселились во Фландрию. По-видимому, старшей из них была Гунхильда (Gunnhilda), и имя этой девочки наводит на некоторые размышления и сопоставления. Легко заметить, что все дети Гарольда названы в честь своих старших родственников: Гита носит имя бабушки, её старший брат Годвин – имя деда и т. д.). По Литтону, Хильдой звали бабку Эдит, а Гунхильда – усложненный вариант этого датского имени. Так что здесь мы имеем ещё один аргумент в пользу гипотезы Фримена о том, что возлюбленная Гарольда была матерью его детей.

Гунхильда разделила с сестрой участь изгнанницы и, вероятно, опекала ее, так как бабушка этих девочек вскоре умерла: никаких упоминаний о ней в дальнейшем не встречается. Гунхильда почти всю свою жизнь прожила во Фландрии и там поступила в монашескую обитель. В 1089 году она умерла, и была похоронена возле церкви св. Доната в городе Брюгге. На ее могиле сохранилась плита со сле-

дующей надписью: «Здесь погребена известнейшая Гунхильда родом из Англии. Отец ее Годвин был властителем большей части Англии и полководцем, мать Гита происходила из знатного датского рода...» – А что еще могли написать на этой плите? Ведь Гунхильда была незаконнорожденным ребенком короля! Тем не менее на основании этой надписи существует мнение о том, что Гунхильда была не дочерью, а сестрой короля Гарольда, то есть третьей дочерью Годвина. Однако это предположение не подтверждается свидетельствами хронистов...

...Так как жена Годвина, Гита, принадлежала к датскому королевскому роду, то бесценным источником сведений о дальнейшей судьбе ее потомков являются исландские саги знаменитейшего средневекового автора Снорри Стурлусона «Круг земной» (Snorri Sturluson «Heimskringla»), называемые также Королевскими сагами. Редактор русского перевода этого произведения – М.И. Стеблин-Каменский – писал: «Круг Земной» – это яркий и драматичный, но в то же время исключительно правдивый рассказ о судьбах сотен людей, действительно существовавших некогда,.. богатейшая галерея человеческих образов, нарисованных с гениальной простотой». Это повествование содержит массу ценнейших сведений о правителях не только Скандинавии, но и других стран средневековой Европы – «от Ирландии и Англии на Западе, Белого моря на севере, Византии на юге и до Новгородской и Киевской Руси на востоке»... По Королевским сагам можно проследить за судьбами внуков Годвина Вольфнотсона...

...На этом пути ключевой фигурой нашего повествования становится король Дании Свен, который по отцу носил прозвание Ульфсон, а по матери, состоявшей в родстве с Канутом Великим, числился в истории Эстридсоном. Судя по его «отчеству», он был сыном того самого военачальника Ульфа, который оказал в свое время покровительство Годвину, и приходился родным племянником Гите – матери Гарольда. После ее смерти король Свен опекал своих осиротевших родственников, а в 1074 году помог сыновьям Гарольда организовать их последнюю вылазку на английское побережье.

Побывали у него в гостях и сыновья Тости́га: Кетил и Скали. Вместе с Олавом, сыном Гаральда Гардрады, эти юноши были не только свидетелями, но, возможно, и участниками битвы при Йорке. Там они потеряли своих отцов, а затем уехали в Скандинавию, где Олав вместе с братом Магнусом стал конунгом – правителем Норвегии. Автор Королевских саг пишет о сыновьях Тости́га: «Оба они были очень умные... Оба они были дороги Олаву».

Старшего сына Тости́га в сагах называют Кетиль Крюк. О нем сказано, что он обосновался на севере Норвегии и удачно женился. Его брат Скали (в сагах он назван Скули) был особенно любим норвежским конунгом: «Он стал предводителем дружины Олава... и был его советником по всем делам страны». Скали получил большие земельные наделы на востоке Норвегии и женился на родственнице конунга Гудрун, дочери Невстейна. Оба брата имели большие семьи, и «от них произошло много могущественных людей».

Дважды побывала в гостях у короля Свена и Гита, младшая дочь Гарольда (возможно, первый раз вместе с сестрой Гунхильдой), и это сыграло огромную роль в ее жизни. О Гите имеются сообщения не только в Королевских сагах, но и в трудах средневекового историка Торфея, а также знаменитого хрониста Саксона Грамматика, который жил на рубеже XI-XII вв. и был, таким образом, чуть ли не свидетелем нормандских завоеваний. Им написан труд «Деяния датчан» («Gesta Danorum») в шестнадцати томах, где подробно изложены все ведомые ему события, происходившие в средневековой Европе. Например, он донес до нас историю датского принца Гамлета, ставшую сюжетом знаменитой трагедии Шекспира.

О Гите Саксон Грамматик написал следующее: «Король Дании Свен, отечески оценив по заслугам благочестие и нежность девушки, своей родственницы, договорился о свадьбе с князем Владимиром, который, прозывался также Ярославичем...» – Здесь явная ошибка: еще Карамзин обратил внимание на то, что Владимир, старший сын Ярослава Мудрого, не мог быть женихом Гиты, так как она появилась в Дании только после падения Эксетера, то есть не ранее 1068 года, а Владимир Ярославич умер в 1052 году – за 16 лет до описываемых событий. Позже было установ-

лено, что женой этого князя была Ода, дочь немецкого князя Леопольда Штаттского...

Мужем Гиты был не сын, а внук Ярослава Мудрого – Владимир Всеволодович по прозванию Мономах. Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» по этому поводу пишет: «Нет сомнения, что первую (супругой Мономаха – Н.М.) была Гида, дочь английского короля Гарольда...» О том же повествуют саги: «Гидой прозывалась дочь короля Гарольда сына Годвина. Мужем имела Вольдемара, властителя Хольмграда (Новгорода – Н.М.)». Гида - Gyda – это скандинавская транскрипция и соответствующее написание саксонского имени Гиты.

Однако историки не упоминают об одном поразительном обстоятельстве этого сватовства: быть может, главным действующим лицом здесь была тетка князя Владимира – Елизавета Ярославна. После гибели своего первого мужа Гарольда Гардреды она вскоре, в 1067 году, вышла замуж за короля Свена. Во время пребывания Гиты в Дании она могла познакомиться с дочерью Гарольда и порекомендовать ее в жены своему племяннику Владимиру Всеволодовичу.

...С большой неохотой покидала я уютную кабину машины времени на втором этаже книжного магазина. Но что делать: дождь не прекращался, а время поджимало – мистер Конвей не любил, когда его постояльцы опаздывали к обеду.

Мы вышли на улицу и стали жертвами сильнейшей бури: ветер набросился на нас со всей возможной яростью. Наши зонты тут же сломались, Лёнину бейсболку унесло в неизвестном направлении, мы моментально вымокли до нитки. Я совершенно потерялась в потоках ливня, но Лёня проявил чисто мужское хладнокровие, к тому же, как оказалось, он хорошо ориентируется на местности. Держась друг за друга, мы с трудом добрались до нашего временного жилища и переоделись в сухое. Несколько позже нас явились промокшие Саша и Сережа, гулявшие в последний день по магазинам Гастингса... Мы не знали, как нам высушить одежду и обувь: ведь рано утром следующего дня мы должны были уезжать...

На выручку пришла доброжелательная Сесил, которая взяла у нас то, что вымокло, и пока мы обедали, все высушила в специально приспособленной для этого стиральной машине. А мы подарили ей на прощание большую пачку хорошего чая...

25 августа, четверг

Встали рано, сердечно простились с нашими хозяевами, а с Сесил даже расцеловались... И мистер Конвей на своей машине отвез нас к месту стоянки автобуса, на котором мы должны были ехать в аэропорт Хитроу. Погода была чудесная, Гастингс провожал нас ярким солнцем, и ничто не напоминало о вчерашней буре. Разве что вещей стало меньше: из нашего багажа исчезли неудобные для транспортировки зонтики.

Обратная дорога прошла быстро и незаметно. Все прощались, обменивались адресами и телефонами. Леса за окнами автобуса при свете дня казались приветливыми, они то и дело перемежались с какими-то открытыми пространствами, на которых возникали то пасущиеся стада овец, то какие-то лошади, но чаще всего автостоянки, или, может быть, это были пункты продажи автомобилей.

Незаметно доехали до уже знакомого аэровокзала. Прошли контроль, получили талоны на питание: оказалось, что забастовка стюардов все еще продолжается. Действительно, ведь мы были здесь всего неделю назад, а мне, путешествовавшей все это время в глубь веков, показалось, что пролетела чуть ли не тысяча лет...

Перед отлетом мы реализовали наши обеденные талоны с помощью любезных и расторопных девушек, а затем пошли к ожидавшему нас самолету. Правда, второпях чуть не улетели в Токио... Ну, да это дело прошлое.

В 16-00 мы уже сидели на своих местах в авиалайнере. Взлет... Курс на Москву... Огляделись: полный самолет детей и подростков – все они возвращаются после занятий в летних школах, которые в соответствии с имеющимися запросами открыты сейчас по всей Англии.

Впереди – четыре часа полета... на машине времени. Можно подумать о судьбах потомков короля Гарольда и сделать развернутый экскурс – теперь уже в историю русского средневековья.

Над нашими креслами висел монитор, на котором демонстрировался маршрут самолета. Вначале мы летели над морями северной Европы... По этим водным просторам почти 1000 лет назад начала свое путешествие на Русь Гита, дочь короля Гарольда, невеста князя Владимира Мономаха.

...Ее везли обычным, проторенным путем: вначале по бурным северным морям и по Балтийскому морю, затем – Невою, Ладожским озером и далее – по реке Волхов в Новгород. Бракосочетание Гиты и Владимира Мономаха состоялось в 1075 году, но в первый же год их совместной жизни князь Владимир вместе со своим двоюродным братом Олегом Святославичем участвовал в походе польского короля Болеслава Смелого на чехов. Поход продолжался около четырех месяцев, и Гита провела их, видимо, в Переяславле у свекра – князя Всеволода Ярославича.

...Интересно, что факт появления Гиты на Руси отмечен и в упомянутой уже исторической балладе А.К. Толстого «Три побоища», где дочь Гарольда названа супругой Мономаха, однако поэт сместил временные рамки: он предполагал, что в момент битвы при Гастингсе Гита жила в Киеве, чего на самом деле быть не могло...

В июне 1076 года у Гиты родился сын, получивший славянское имя Мстислав, в крещении – Феодор; однако известно и третье имя этого князя. В сагах упомянут некий конунг Гарольд, женой которого была Христина, дочь шведского короля Инга Стенкильсона. По сообщению русских летописей, супругом Христины был старший сын Мономаха, и это обстоятельство позволило установить, что князь Мстислав и Гарольд из саг – одно и то же лицо. Наверное, Гита назвала своего первенца в честь погибшего отца...

По сути дела, это и все, что мы достоверно знаем о Гите, потому что в русской истории она проходит невидимкой, как, впрочем, и большинство русских княгинь и княжон. Мы даже не знаем, когда она закончила свой жизненный путь. В летописях маем 1107 года датируется смерть «Волдимеряи», то есть жены князя Владимира, и к этому же событию, видимо, относится горестная заметка в «Поучении» Мономаха: «Мая, в седьмой день, во время поездки в Смоленск Гюргиева мати умре». Здесь имеется в виду мать

Юрия (Георгия), сына Мономаха, получившего впоследствии прозвание Долгорукий. Но идет ли тут речь о Гите? Суждения историков на этот счет расходятся. Например, Н.М. Карамзин и вслед за ним Н.С. Арцыбашев полагали, что запись эта относится ко второй супруге Мономаха, а всего, по их мнению, жен у князя Владимира было три: Гита, «Гюргиева мати» и некая княгиня, умершая в 1126 году, о которой В.Н. Татищев написал: «А чья она дочь и как прозывалась – неизвестно».

Дискуссионным также является утверждение, что Гита была матерью и других детей Мономаха, хотя после Мстислава в период с 1076 по 1081 (или 1082) год один за другим родились его сыновья: Изяслав, Ярополк, Вячеслав и Святослав. Авторитетный современный историк В.А. Кучкин считает, что княжичи были погодками, а двое из них могли быть даже близнецами, поэтому логично предположить, что Гита была их матерью.

Младшие же сыновья Мономаха: Юрий, Роман, Андрей – а также дочери: Евфимия, Агафья и Мария – появились на свет после большого промежутка времени и вполне могли быть детьми другой женщины, не Гиты. С некоторой степенью достоверности можно только предположить, что Гита была матерью Юрия, но для этого надо доказать, что в год его рождения она была жива.

Остроумные аргументы в пользу этой гипотезы приводит И.М. Ивакин. Он основывается на дошедшем до нас «Поучении» Владимира Мономаха. Это произведение включает в себя и собственно нравоучения, и дневниковые записи, и некоторые другие материалы. Большинство исследователей «Поучения» указывают на то, что труд этот написан Момахом для его детей и является как бы его духовным завещанием. Татищев так и называет весь указанный комплект бумаг: «Духовная князя Владимира Мономаха».

Один из исследователей этого произведения, М.П. Алексеев, обратил внимание на то, что «Поучение» Мономаха имеет много общего с англосаксонской средневековой поэмой «Precepts», или «Fäder-Larcwidas» («Отцовские поучения»), которая является одной из частей «Эксетерской книги» («The Exeter Book»). Оригинальный список этого

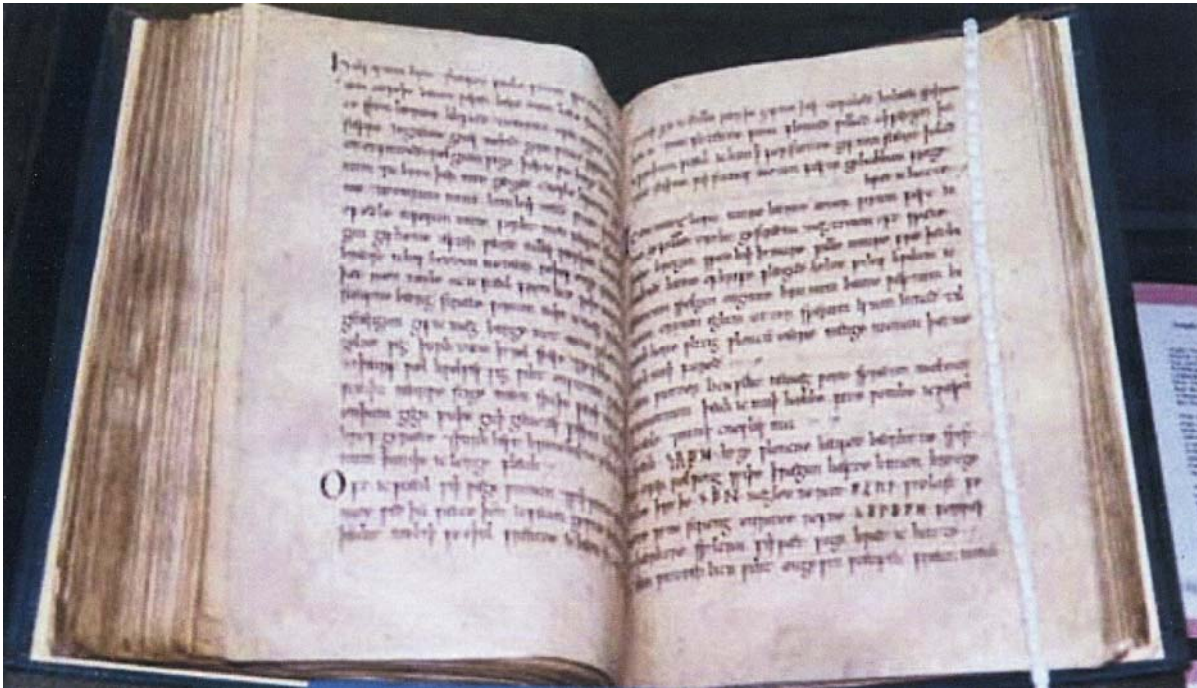
произведения принадлежал в свое время капеллану короля Эдуарда Исповедника Леофрику, который в 1050 году был переведен епископом в город Эксетер. Незадолго до смерти он подарил свою богатую личную библиотеку местному собору святого Петра, и там до сих пор хранится уникальный экземпляр «Эксетерской книги».

«Отцовские поучения» были написаны для принцев, будущих монархов, которые, имея в своих руках богатство и власть, должны будут заботиться о своих многочисленных подданных. Сочинение это, 94 стихотворных строки, содержит наставления в духе христианской морали, декларирует гуманистические принципы отношения к своим ближним, предостерегает от злейших человеческих пороков, прежде всего, от пьянства и лени.

Детальное сопоставление «Почения» Владимира Мономаха и «Эксетерской книги» приводит к заключению о том, что оба произведения имеют много общего: примерно одинаковым является их общий объем, сходны по характеру многие наставления, пожалуй даже, одинаков порядок их следования. «Я не берусь доказать, что в основе этого сходства лежит непосредственное заимствование, – пишет Алексеев, – дело идет не столько о заимствовании, сколько об аналогии, которая подчеркнет культурную близость столь, казалось бы, далеких друг от друга земель, как Англия и Русь XI века». Случайна ли такая аналогия, даже, можно сказать, параллелизм?

...Нам известно, что с 1066 по 1068 год дети короля Гарольда жили с бабушкой в Эксетере, и настоятель главного городского собора вполне мог быть их духовником и наставником. Весьма вероятно поэтому, что Гита, ее сестра и братья учились по «Эксетерской книге» основам христианской этики и морали. И отчего же не предположить далее, что уже находясь на Руси в ту пору, когда ее сыновьям пришло время учиться, Гита дала своему мужу идею написать «Почение», подобное известному ей произведению? А может быть, у Гиты даже был с собой вывезенный из Англии экземпляр «Fäder-Larcwidas»...

Итак, весьма вероятно, что создание «Почения» Мономаха связано с пребыванием на Руси англосаксонской

Эксетерская книга (рукопись X века)

Древняя стена в Вальдгэме (Waltham)

принцессы. А в текстах этой работы можно найти доказательства того, что Гита была матерью Юрия Долгорукого.

Прежде всего, следует выяснить, когда появился на свет князь Юрий Владимирович. Дата его рождения неизвестна, но косвенно, с той или другой степенью достоверности, ее можно установить. В.А. Кучкин по этому поводу приводит такие соображения: «По Татищеву, Юрий умер в 66 лет, 15 мая 1157 года, стало быть, родился (по старинному счету) 23 апреля 1091 (92?) года. Кроме того, известно, что отец его, Владимир Мономах, женил Юрия на половецкой княжне, «Осеновой внуке», в 1108 году. К этому времени Юрий должен был достичь брачного возраста: не в восемь же лет его женили!» Правда, существует мнение, что Юрий мог родиться в 1095 или даже в 1097 году...

Ивакин утверждает, что Гита была жива в конце XI века на основании включенного в состав «Поучения» письма Владимира Мономаха к его двоюродному брату Олегу Черниговскому. В междоусобной войне с этим князем 6 сентября 1096 года (6603 г. от сотворения мира) погиб сын Мономаха – Изяслав.

Возраст этого княжича неизвестен, но В.А. Кучкин считает, что он был вторым сыном Владимира Всеволодовича – родился в 1078 году, то есть тут же вслед за Мстиславом. Действительно, в 1096 году Изяслав уже был инициативным воином: он самостоятельно предпринял поход против своего дяди, хотя, как пишет Мономах, «подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла...» К тому же Изяслав уже был женат – в письме содержится просьба князя Владимира прислать к нему юную вдову погибшего сына: «Ради Бога, отпусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплавав с нею, поселил у себя, и села бы она, как горлица на сухом древе, горя, а сам бы я утешился в Боге»... По другой версии, Изяслав мог родиться в 1080 году, но автор этого предположения, В.Н. Шляков, прямо указывает на то, что княжич был сыном Гиты Гарольдовны.

Из текста письма князя Владимира, можно понять, как велико было горе родителей погибшего княжича. И.М. Ивакин приводит в доказательство две выдержки из этого документа. Вот первая: «Когда же убили дитя мое и твое

(Олег был крестным Изяслава – Н.М), следовало бы тебе сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ... нажил я грех себе, а его отцу и матери его принес слезы...» – Стало быть, мать Изяслава – Гита – была жива!

Второе место из письма к князю Олегу: «Если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем,.. то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наю сердце обратишь себе». Здесь проясняется причина междоусобной стычки князей: видимо, была некая спорная территория, «волость», вопрос о владении которой можно было уладить мирными переговорами. Но наиболее примечательно здесь слово «наю» – местоимение двойственного числа древнерусской грамматики. «Наю сердце» – это два сердца: сердце отца Изяслава – князя Владимира, и сердце его матери – Гиты. «Недаром здесь двойственное число!» – восклицает Ивакин. Заметим, что современные комментаторы этого текста игнорируют двойственное число и переводят просто «наше сердце», что искажает смысл данного отрывка.

Еще одно подтверждение тому, что Гита была жива в интересующий нас период, дает статья А.В. Назаренко «Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого» («Отечественная история», 1993, №2). Автор обнаружил в Германии латинский текст XII века «Проповедь благочестивого Руперта» – настоятеля монастыря св. Пантелеймона в Кёльне, где повествуется о том, как святой Пантелеймон чудесным образом исцелил русского князя Мстислава-Гарольда, раненного на охоте напавшим на него медведем.

...У постели князя много дней сидела в печали его мать (Гита!), которая, как следует из рукописи, еще до ее приезда на Русь нередко бывала в обители св. Пантелеймона в Кёльне и оказывала монастырю посильную помощь. Считалось, что благодаря этому она и ее дети находились под особым покровительством целителя Пантелеймона, который в критический момент явился князю Мстиславу, спас его от смерти и вернул ему здоровье.

Этот эпизод датируется 1097-99 годом, что вполне укладывается в рамки гипотезы Ивакина.

Достоверно также, что в память о своем чудесном исцелении Мстислав крестил Пантелеймоном родившегося вскоре после того сына Изяслава, что представляется единственным случаем в практике наречения крещальных имен – больше Пантелеймонов среди русских князей нет. К тому же Изяслав-Пантелеймон в честь своего святого воздвиг в Новгороде храм, который частично сохранился до сих пор, но посвящен теперь особо почитаемому на Руси святителю и чудотворцу Николаю Угоднику. В этом храме есть предел святой Анны, и А.В. Назаренко выдвигает предположение, что Гита в крещении была наречена Анной.

Однако далее в указанной работе А.В. Назаренко имеется сообщение, которое, казалось бы, полностью перечеркивает предположение о том, что Гита была матерью Юрия. В синодике Кёльнского монастыря, по сведениям автора, среди лиц, подлежащих поминовению 10 марта, значится: «День смерти королевы Гиды (Gyda)»... А мать Юрия умерла, как мы знаем, 7 мая...

И все-таки попробуем выдвинуть некоторые контраргументы. «Королева Гида» – это в достаточной мере неопределенно. Имя Gyda очень распространено в Скандинавских странах; в Королевских сагах упомянуто, по крайней мере, семь особ, носящих это имя. К тому же, если Гита вступила в обитель вскоре после приезда из Англии на континент, то ее имя, скорее всего, записали бы в соответствии с англосаксонской традицией – Gytha. И, наконец, самое главное: в примечании 36 к своей работе автор указывает на то, что интересующая нас запись сделана почерком первой половины XIII века, а Гита умерла в конце XI или в самом начале XII века. Возможно, что в синодике использованы поминальные заметки более раннего периода, однако временная разница в 100-150 лет между событием и записью о нем представляется в данном случае весьма существенной и придает версии А.В. Назаренко гипотетический характер. Вряд ли кто-то стал бы столько лет оплачивать поминовение Гиты в католическом монастыре, особенно, если учесть, что она перешла в

православие, что являлось неременным условием ее бракосочетания с русским князем.

... Итак, в конце XI века Гита, возможно, была жива и, вообще говоря, могла быть «Гюргиевой матерью», однако никаких документальных подтверждений этого факта мы не имеем, так что и эта тайна Гиты остается пока для нас «за семью печатями»...

Достоверно лишь то, что ее ребенком, бесспорно, являлся старший сын Мономаха, известный в истории как князь Мстислав I Великий. Не следует забывать о том, что этот князь был внуком Гарольда II и носил его имя, поэтому хотелось бы немного остановиться на некоторых чертах его личности, возможно, напоминающих облик легендарного короля англосаксов.

По словам Н.М. Карамзина, «он умел властвовать, хранил порядок внутри государства, и если бы дожил до лет отца своего, то мог бы утвердить спокойствие России на долгое время». Мстислав был хорошим военачальником: он известен своими удачными походами на половцев, успешным прекращением княжеских междоусобиц. И в то же время он стремился, если была возможность, избежать кровопролития. В упомянутом уже письме Мономаха приводится обращение Мстислава к Олегу Черниговскому: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, а русскую землю не погубим...» – Прекрасные слова достойного внука короля Гарольда!

Князь Мстислав смолоду проявлял необыкновенную рассудительность, миролюбие и доброту; таким он оставался на протяжении всего своего, к сожалению, недолгого княжения (1125-1132 годы). Интересный штрих к его портрету: есть мнение, что именно Мстислав был «третьим летописцем» (первые два – Нестор и Сильвестр), продолжившим повествования о русской истории и включившим в летописи «Поучение» своего отца.

От Мстислава Великого идет одна из двух главных генеалогических линий рода Мономаха, продолжающая в то же время род короля Гарольда на русской земле. Мстислав I был женат дважды: в первый раз – на шведской принцессе Христине, во второй раз – на Любаве, дочери

знатного новгородца Димитрия Завидовича. От этих двух жен у него было 13 детей. Многие из них вступали в браки с иностранцами и давали начало новым королевским династиям. Так дочь Мстислава и Христины – Ингеборга – вышла замуж за известного в истории Канута Лаварда, и в родословной Годвинсонов вновь появились датские монархи: напомним, что Гита, мать Гарольда, принадлежала к семье короля Канута Великого.

Сын Ингеборги, король Вальдемар I, был назван, очевидно, в честь прадеда Владимира Мономаха, и с тех пор в генеалогических таблицах датского королевского дома закрепилось это несвойственное скандинавам имя. Между прочим, Вальдемаром звали и младшего брата Марии Федоровны, (принцессы Дагмар) – жены российского императора Александра III, но это уже XIX-XX вв.

Но нас, конечно, больше всего интересуют потомки Мстислава Великого, оставившие яркий след в отечественной истории – это знаменитые князья русского средневековья. Сыновья, внуки и правнуки Мстислава I занимали киевский престол почти весь XII век. Так сын Мстислава Великого, Изяслав-Пантелеймон, княжил с 1146 по 1154 год. Летописцы характеризуют его как «благословенную отрасль доброго корня». Он мог бы, по словам Карамзина, «обещать себе и подданным дни счастливые, ибо народ любил его; но история сего времени не представляет нам ничего, кроме злодейств междоусобия». Но даже в сложной обстановке XII века князь Изяслав «удалялся от иных случаев проливать кровь россиян», и когда он скончался, то его оплакивали не только киевляне, но также берендеи, торки и другие подвластные ему народы...

Оставил по себе хорошую память и другой сын Мстислава I – Ростислав Мстиславич, в крещении Михаил, который был стольным киевским князем с 1154 по 1155 и вторично с 1159 по 1167 год. Он «любил мир, тишину отечества, справедливость и боялся запятнать себя кровию россиян» (Н.М. Карамзин). Летописцы указывают также на то, что этот князь отличался набожностью, любил беседовать о христианских добродетелях и даже имел намерение удалиться от суетности мира в монастырскую обитель... Н.М Карамзин по этому поводу пишет: «Нет сомнения, что

государь истинно набожный скорее иного может быть отцом народа, если одарен свыше умом и твердостью».

С 1167 по 1169 год киевским правителем был внук и тезка Мстислава Великого – Мстислав II Изяславич. Этого князя отличали инициативность, отвага и воинственность. Он сумел объединить многих русских князей для борьбы с половцами, обратившись к ним с призывом: «Друзья и братья! Оставим междоусобие,.. обнажим мечи и, призвав имя Божие, ударим на врагов!» Но несмотря на победы на поле брани, доверчивый по характеру Мстислав II стал жертвою заговоров и междоусобиц князей...

Из сыновей Мстислава II прославился князь Роман Мстиславич, который в 1190 году объединил Волынское и Галицкое княжества. Сыновья Романа: Василько и Даниил – тоже достаточно известны, особенно славный князь Даниил Галицкий. Он совершил успешные походы против поляков и венгров, проявил необыкновенную храбрость в первой битве русских и татар при реке Калке в 1224 году. «Пылкий Даниил изумил врагов мужеством», – писал Н.М. Карамзин.

Вообще многие внуки и правнуки Мстислава Великого отличались воинственностью, о чем говорят их вошедшие в историю прозвища. Так сын князя Ростислава – Мстислав Храбрый, по словам Карамзина, «был украшением России и века. Другие воевали для корысти, он только для славы и, презирая опасности, еще презирал золото, отдавая всю добычу церкви или воинам, коих всегда ободрял в битвах, словами: «За нас Бог и правда! Умрем ныне или завтра, так умрем же честно!» В летописях многократно упоминается также сын Мстислава Храброго, участник многих сражений, в том числе, и битвы при Калке – Мстислав Мстиславич Удатный. По созвучию его часто называют Мстиславом Удалым, однако Н.М. Карамзин указывал на то, что прозвание этого князя переводится с чешского (богемского) как «Храбрый».

Постепенно с течением времени пресекались великокняжеские фамилии, но люди не забывали своих предков, и среди знатных родов России числится немало таких, которые ведут свое происхождение от Мстислава Великого, а следовательно, от Мономаха и Гиты Гарольдовны. При-

ведем только один замечательный пример. В XIV веке на исторической арене появился удельный князь Федор Федорович Ржевский, прямой потомок в восьмом колене Мстислава Великого через его сына Ростислава Мстиславича. В дальнейшем прославились своими ратными подвигами и беззаветным служением Отечеству воевода московский Семен Федорович Ржевский (XV в.) и участвовавший в войне с поляками в 1566 году Иван-Воин Константинович Ржевский. В XVIII веке пользовался известностью и расположением императора Петра I нижегородский воевода Юрий Алексеевич Ржевский, дочь которого Сара Юрьевна вышла замуж за Алексея Федоровича Пушкина. Их дочь, Мария Алексеевна Пушкина-Ганнибал – родная бабушка А.С. Пушкина. Таким образом, великий русский поэт является прямым потомком короля Гарольда в 25 колене...

Переходим ко второй генеалогической линии Мономаховичей, основателем которой является Юрий (в крещении Георгий) по прозвищу Долгорукий. Если принять версию И.М. Ивакина, представители этой линии родства также могли быть потомками Гиты, дочери короля Гарольда. Юрий Долгорукий – это известнейший в русской истории князь, его считают основателем Москвы. Одним из его сыновей был прославленный Андрей Боголюбский, которого Карамзин характеризует как одного из мудрейших князей российских, к тому же проявлявшего особое усердие в церкви, уважение и любовь к духовенству...

Другим сыном Юрия Долгорукого был Всеволод III, из «большого гнезда» которого вышли и основатель Нижнего Новгорода Георгий II Всеволодович, и столь любимый нашим народом князь Александр Невский, победивший шведов в устье реки Невы, а затем разгромивший рыцарей Ливонского ордена на Чудском озере. Этот мужественный воитель, быть может, более, других близок к своему гипотетическому предку – королю Гарольду: гены англосаксонского короля могли прийти к нему не только со стороны отца, но и по женской линии, так как считается, что матерью Александра Невского была княгиня Феодосия, дочь Мстислава Удатного.

Младшим сыном Александра Невского был известный своим благочестием князь Даниил Московский, основавший первый в Москве монастырь – Даниловский. А за Даниилом Александровичем следует плеяда замечательных московских князей, которых с большой степенью вероятности можно считать потомками англосаксонского короля Гарольда II, наследниками его генофонда. Это, прежде всего, знаменитый Иоанн I Калита, который, по словам С.М. Соловьева, умело пользуясь обстоятельствами, подчинял себе соседние княжества и дал своим современникам «предвкусить все выгоды единовластия, почему и перешел в потомство с именем первого собирателя русской земли». Именно со времен Иоанна Даниловича началось возвышение Москвы, которая впоследствии стала «истинною главою России».

Сын Иоанна I – Симеон – «умел пользоваться властью, не уступая в благоразумии отцу... Он строго повелевал князьями российскими и заслужил имя Гордого». Брат его – Иоанн II, вступивший на московский престол после смерти Симеона, не отличался воинственностью и даже заслужил в истории прозвание Кроткого. Однако сын последнего – князь Димитрий Иоаннович – это знаменитый русский полководец, прозванный Донским после победы над татарами в 1380 году...

...Так сквозь века протянулись связующие нити от поля битвы при Гастингсе через пойму легендарной реки Калки к ледовому насту Чудского озера и далее – к полю Куликовской битвы...

...Приземляемся... Сели. Дружные аплодисменты пассажиров выводят меня из задумчивости и заставляют покинуть машину времени – на этот раз окончательно...

19-00 по столичному времени. Здравствуй, Москва!

